КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 11 АПРЕЛЬ 1991

ПРОСТИ, ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР, НО СПИЧЕК НИГДЕ НЕТ!

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, Ю. СТЕПАНОВ (тема)

Как по дешевке разжиться долларами?

Стр 10.

КРОКОДИЛ

№ 11 (2706)
апрель 1991

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредители:
трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ (первый зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ (главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

Технический редактор
Д. Н. МАЗУР.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

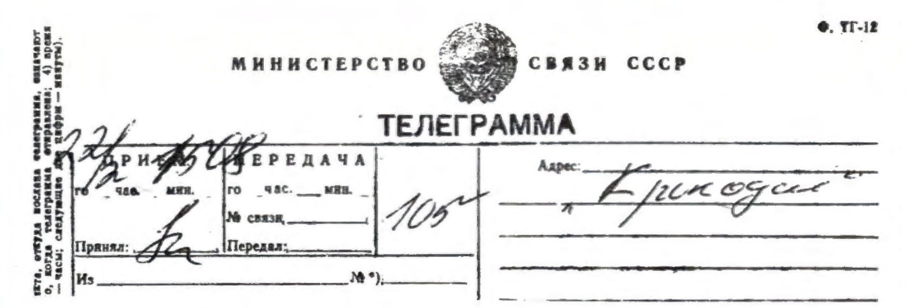
НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 11.03.91.
Подписано к печати 18.03.91.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 478 000 экз.
(1-й завод: 1—2143328).
Зак. № 289. Цена 75 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЧИТАТЕЛЬ ВЗВОЛНОВАН

Ф. ТГ-12

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ | ПЕРЕДАЧА

Адрес: Крокодил

105

СТАРОАЛЕЙСКОЕ АЛТ ТРЕТЬЯКОВСКОГО 236 26 22/2 1410=

МОСКВА ГСП-4 БУМАЖНЫЯ93+ 14 ХОДАНОВУ=

ЧЕРЕПАШЬЯ ГЛАСНОСТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ КОМУ НАДО ОБЬЯВИТЕ НЕ ШУТЯ КРОКОДИЛ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ ПОЛУЧАЕМ ГОД СПУСТЯ=

САЗОНОВ- НННН

КТО СЕЙЧАС ОТВАЖИТСЯ РОЖАТЬ ДЕТЕЙ!

У нас даже спички по талонам, не говоря о колбасе, сыре, крупах... В промтоварных магазинах на телевизоры, стиральные машины висит табличка «ветеранам войны и многодетным».

Я уважаю ветеранов, честь и хвала многодетным матерям. Но как же быть нам, простым смертным? У меня пока один ребенок, грудной. А руки от стирки вручную уже как у старушки. Чтобы иметь возможность купить стиральную машину, я должна родить еще двоих детей. В современных-то условиях! К тому же спать пока приходится на полу, а молоко для ребенка держать на балконе. Зимой. А летом?

Не обвиняйте меня в несознательности, жестокости. Но сколько я живу на свете, все время слышу: в первую очередь — ветеранам. Разве семьи такие, как моя, виноваты перед государством, что наши дедушки и бабушки давно ушли, не дожив до «светлых дней» своих детей и внуков?

Н. МАЗУРИНА,
г. Новокуйбышевск.

КАК НАС ЧУТЬ НЕ РАСКУЛАЧИЛИ

Рассказ Аркадия Аверченко «Бедствие» (№ 31, 1990 г.) напомнил время, когда мне было лет тринадцать-четырнадцать...

Из армии, демобилизовавшись, мой дядя вернулся с другом — Деряжинцевым Владимиром. До армии дядя Володя работал на мельнице у мельника Клочко. Пока служил, Клочко раскулачили и выселили, а хату его и мельницу по кирпичику растащили, остались на том месте плотина да мельничное колесо. Дядя Володя родственников не имел, вот и попросился пожить у нас. Моя мама работала тогда на постройке дороги, бабушка вела хозяйство, в доме даже мамалыга была не всегда. Приезду молодых, крепких мужчин семья была рада. Дядья ездили в Новороссийск на заработки, привозили хлеб, кое-что перепадало и нам с сестренкой.

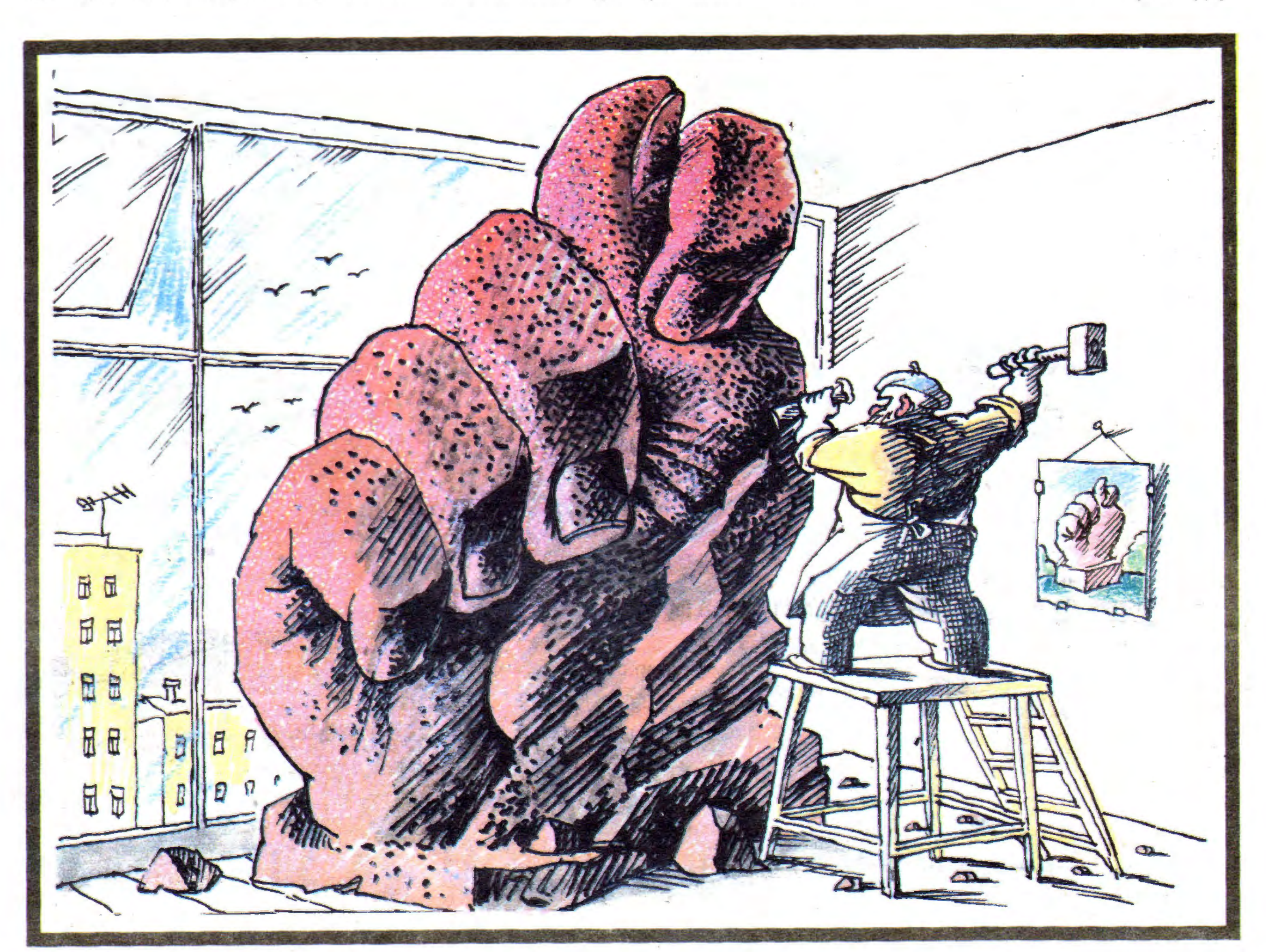
Вечерами дядья часто вели между собой разговоры, в которых упоминали незнакомое мне слово «конички». Однажды, навестив соседа в больнице, мой дядя узнал от него, что в горах года три стоит брошенная косилка. С дядей Володей они засобирались в горы, прихватив у цыган, стоящих табором у нашего дома, кое-какой инструмент. А еще через три дня привезли на ручной тележке оттуда и эти самые конички. Из Новороссийска привезли трубу 4—5 метров длиной. Здесь же у цыган закрепили на нее конички, приспособили тяжелый камень, который им пожертвовал кто-то из соседей. На той же ручной тележке дня за три перевезли все к разрушенной бывшей мельнице. Так родилась новая мельница. На первый помол бабушка дала сумку кукурузы...

Весть о возрожденной мельнице быстро облетела станицу. Люди стали просить дядьев смолоть на ней у кого что было, а они никому не отказывали: рады были, что сделали доброе дело. А потом уже люди и сами мололи. Дядья наведывались туда иногда, чтобы что-то подправить да смазать. А однажды нашли там коробок, куда люди ссыпали по горсточке муку в знак благодарности. Так в доме появились мамалыга и даже пышки. Все были довольны...

Но вот дядя Володя не пришел ночевать. Наутро мой дядя пошел наводить справки. Оказалось, что накануне дядю Володю вызвали в сельсовет, а оттуда как кулака увезли на поезде. Видно, попал в разнарядку. Мой дядя сразу же уехал в Краснодар. (Там выучился на строителя, кем всю жизнь и проработал.) А для нас снова наступили голодные дни. О дяде Володе по сей день нет слухов. Мельничку же, пришли от сельсовета, разрушили. Осталось одно название — «кулацкие мельницы»...

Вот такая была история. И это уже не юмор, а боль, которая дает о себе знать до сих пор. А мне уже за семьдесят...

В. РЕВЕНКО,
г. Краснодар.

С. ТЮНИН, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ПЕРВОМАЙСКАЯ СТАНЦИЯ ПЕРЕЛИВАНИЯ КРОВИ 21 И 22 ДЕКАБРЯ 1990г. С 8 ДО 13 ЧАСОВ ПРОВОДИТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДНИ ВЗЯТИЯ КРОВИ У НАСЕЛЕНИЯ.

ЛИЦАМ, СДАВШИМ КРОВЬ, БУДУТ ПРОДАНЫ БЕЗ ТАЛОНОВ И КУПОНОВ ТАБАЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ.

АДМИНИСТРАЦИЯ СПК.

Такие объявления были расклеены на дверях подъездов домов в п. Первомайский. А как же понимать «Минздрав СССР предупреждает...»?

Н. АНДРЕЕВ,
Харьковская область.

А понимать надо так: уже и «Минздрав СССР не предупреждает». Остается только посоветовать отпечатать новые этикетки: «Кровь табачная».

Высылаю фирменный бланк.

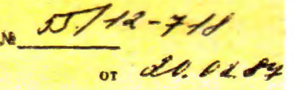

Государственный комитет СССР по стандартам

Российское республиканское Управление Госстандарта

Центральный центр стандартизации и метрологии

300012, Тула, ул. Мира, 54. Тел. 25-20-86
Р/счет 5011005 в Привокзальном отд. Госбанка г. Тулы

№ 57/12-711

На № от 20.02.87

А можно было этот центр назвать Приокским, Среднерусским или как-то еще, ведь он обслуживает несколько областей. Однако умные головы дальше «масла масляного» не пошли...

В. СОТСКИЙ,
г. Тула.

Стандартный пример, когда в Приокском, Среднерусском и других регионах властвуют центростремительные настроения. Но о каком таком масляном масле отважились напомнить вы, тов. Сотский? Его тут не только на весы — на язык положить бы!

●

Прочитал в газете «Челябинский рабочий», что в Златоусте образовано объединение (консорциум) производственных кооперативов. В него, кроме кооператива «Златоустовский кузнечно-прессовый завод» и комбината строительных материалов и изделий (КСМИ), вошел еще и пивзавод.

И говорится еще, что до последнего времени эти предприятия были отстающими, а сейчас коллектив кузнечно-прессового завода работает устойчиво, работа КСМИ стабилизируется, а пивзавод увеличивает производство продукции. Ну и ну!

В. ОГИБЕНИН,
г. Челябинск.

Зря удивляетесь, дорогой читатель. Материальная заинтересованность делает еще и не такие чудеса. Даже когда соображают на троих.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Джордж БУШ

Шарж В. МОЧАЛОВА

Юрий БЛАГОВ

ДЕД

Все мы, поздно или рано,
Примем званье ветерана,
Коль сумеем догрести
До шести-, семи-, восьми-, девяти-
Или даже столетнего возраста.

Но про званье ветеранье
Думать следует заранье,
Чтобы жить, не чуя лет,
И не вздрогнуть, слыша: — Дед!
Дедуля! Дедушка! —
и тому подобное.

Дед так дед... Такая штука...
То ли с внуком, то ль без внука.
То ли лыс, а то ли сед.
Дед как дед. А разве нет?
Есть какие-нибудь вопросы?

ИЗ ПАВЛА ГЛАЗОВОГО

Сказал смиренный инок,
Коньяк допив до дна:
— Божественный напиток!
Безбожная цена!

ЧТО УЖ НАМ УЖ...

Называли наших девушек
мы кисками
И готовы были их боготворить,
Но коль стали эти киски
дзюдоистками,
Что уж нам уж, мужикам уж,
говорить...
Мы ровняли силачей
с орангутанами,
Лишь они могли железо покорить,
Но коль дамы
упражняются со штангами,
Что уж нам уж,
мужикам уж, говорить...
Нашу стройность проверяем мы
по поясу
И порою умудряемся хитрить,
Но коль женщина...
на лыжах... аж по полюсу...
Что уж нам уж,
мужикам уж, говорить...

ЕЩЕ О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Разборчив Запад, но и он
Хоккеем нашим покорен,
За хоккеиста миллион —
Умеренная плата...
. . . . .
А сколько можно взять
за бюрократа?

СУПРУГАМ N

При виде вас
я думаю тайком:
«Какое счастье
быть холостяком!»

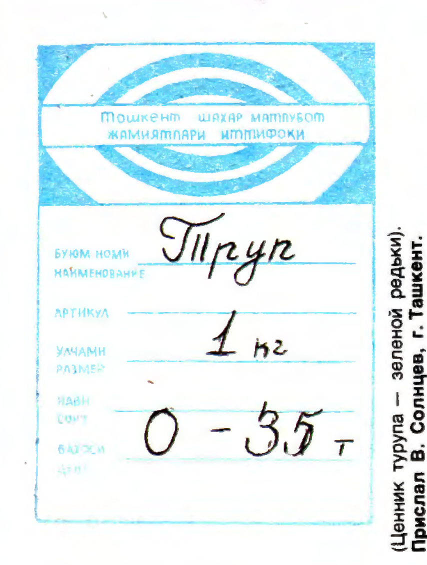
СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

Толкает Гаврила
в журналы и книжки
То байки жены,
то стишата сынишки,
И мир под напором
Гаврилы пасует.
Спасибо, что теща его не рисует...

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Тошкент шаҳар матлубот жамиятлари иттифоки
Буюм номи наименование: Труп
Артикул:
Учами размер: 1 кг
Баҳоси цена: 0-35 т

(Ценник турупа — зеленой редьки).
Прислал В. Солнцев, г. Ташкент.

Прислал Н. Андреев,
г. Нижний Новогород.

«Во время обеденного перерыва я зашел в продовольственный магазин, купил булочку и бутылку молока. Когда начал кушать булочку, я обнаружил в ней кусок резинки от трусов размером 12 сантиметров. С тех пор я покупаю булки только в этом магазине в надежде, что в хлебобулочных изделиях могут появиться и трусы, потому что в продаже их нет».

(Из письма в газету).
Прислала С. Тропышко,
г. Евпатория.

«Религиозные убеждения — атыист».

(Из характеристики).

«Завел себе большую собаку, которая бегает по двору, на замечания жильцов отвечает нецензурной бранью».

(Из жалобы).
Прислал А. Морозов,
г. Ростов-на-Дону.

«Уважаемые товарищи!
У нас производится срочный ремонт обуви в присутствии посетителей в течение 24 часов».

(Объявление).
Прислал В. Мекеров,
г. Самара.

«Стоял в термичке опершись на колено ноги коленом локтя, курил».

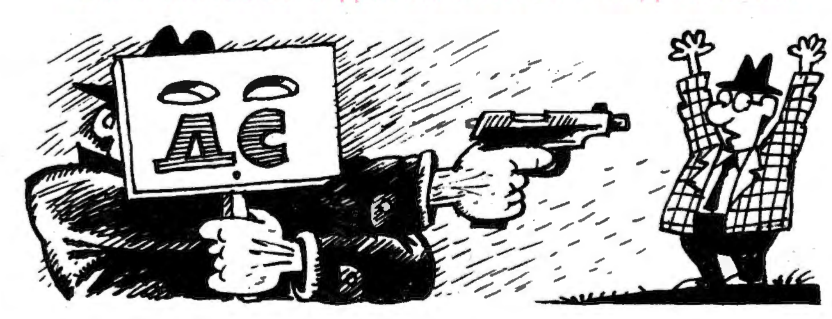
(Из объяснительной).
Прислала Т. Лихтарович,
г. Бобруйск.

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ

ЧЕЛОВЕК С ПИСТОЛЕТОМ

О ТОМ, КАК УГОЛОВНИК ДЕЛАЛ ВИД, ЧТО УЧАСТВУЕТ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Если Киса Воробьянинов — отец русской демократии, то Михаил Смирнов решил выдать себя за сына демократии советской. Такое желание возникло у него, когда он отбывал срок за зверское избиение человека. Сначала Михаил отбывал в колонии, потом за примерное поведение его перевели на «химию», а за год до окончания срока освободили условно-досрочно. Уже на «химии» Михаил почувствовал в себе тягу к демократам. Кто-то отмывает нечестные денежки, а он, очевидно, решил отмыть свою подпачканную репутацию. Но отмывал ее с пистолетом в руках, который приобрел на Рижском рынке за 500 рублей для защиты кооперативного имущества. Увы, репутацию свою он не спас, схлопотав целую коллекцию уголовных статей, не сумел постоять и за кооператив с поэтическим названием «Алина». Михаил состоял в должности председателя торгово-закупочного кооператива в Череповце и взял в банке ссуду в размере 36 тысяч рублей. Но пистолет «Астра» испанского производства не помог ему уберечь от неизвестного воришки кругленькую сумму, которая таинственным образом исчезла из дипломата «химика»-председателя. Он возвращался из Риги, где не сумел закупить партию детских товаров и колбасу, и в поезде проворонил банковскую ссуду.

В Череповец Михаил уже не вернулся, вспомнил в трудную для себя минуту о Владимире Богачеве, с которым познакомился на одном из форумов Демократического Союза. Богачеву его представил другой член ДС — Лев Убожко. Представил как создателя группы ДС в Череповце. О чистом облике дээсовца (Смирнов еще числился условно-досрочником) Демсоюз почему-то не позаботился. В связи с чем его члены стали попадать в пикантные ситуации с трагикомичным оттенком.

Лев Убожко дважды приезжал в Череповец инспектировать деятельность Смирнова. Первый раз Михаил предъявил ему в качестве новобранцев ДС двух своих приятелей и категорически отказался, якобы в интересах конспирации, собрать местный актив, не дав возможности представителю центра пообщаться с партийной массой, произнести перед ней речь.

В следующий свой приезд Лев Григорьевич Убожко уже представлял другую политическую силу — Демократическую партию Советского Союза, которую сам и создал. Смирнов же, проявив идейную незрелость, потребовал от Убожко 500 рублей, которые якобы потратил на подготовку и кормление партийных активистов. А получив отказ, зазвал лидера молодой партии к себе домой, усадил в кресло, выложил на журнальный столик пистолет, кликнул подкрепление в виде огромного дога и, двинув лидера по лицу, заставил его учинить расписку о том, что он, Убожко Лев Григорьевич, должен ему, Смирнову Михаилу, две тысячи рублей.

Затем под диктовку Смирнова функционер новорожденной партии вынужден был написать совсем уж обескураживающий документ: «Я, Убожко Лев Григорьевич, делал попытки сбора секретной информации для продажи ее на Западе заинтересованным лицам, так как я хочу выехать за рубеж и мне нужны денежные средства. Я понимаю, что я подлец по отношению к партии и своим друзьям. В партии я работал для того, чтобы получить политический багаж».

И в довершение всего Убожко вынужден был снабдить Смирнова мандатом «на предмет того, что ему поручается возглавить областной комитет (Вологодская область) Демократической партии».

И вот столь крупный областной руководитель из-за фиаско с банковской ссудой застревает в столице. Проклятый поездной воришка привел к краху кооператив «Алина», осиротил Вологодскую область, заставил Смирнова поднять руку и на Владимира Богачева, можно сказать, соратника по борьбе. Кстати, Богачев тоже вышел из ДС и оказался под крылышком Убожко, который доверил ему службу безопасности. Мы не знаем, обеспечил ли Богачев общепартийную безопасность, но обезопасить лично себя он не сумел.

Внешне все выглядело довольно пристойно. Явившись на квартиру Богачева, вологодский самозначенец культурно попросил его жену и мать выйти на кухню, чтобы не мешать обсуждению партийных секретов. Ткнул в бок коллеге по партии пистолет и попросил его снять золотую печатку стоимостью 850 рублей. При этом он вежливо и даже как-то виновато говорил ему:

— Пойми меня правильно, Володя, как демократ демократа. Не для себя беру, а для нашей борьбы, которая заглохнет на Вологодчине без материальной подпитки. И должен же я хоть частично возместить свои кровные, вложенные в общее дело. А дернешься, извини великодушно, но постреляю всю семью — я ради демократического процесса на все готов!

Кроме печатки, Смирнов забрал кольцо жены Богачева, меховые шапки, бумажник с деньгами и кое-что по мелочи. На поддержку вологодской демократии пошли курительная трубка, флакон американского одеколона и два килограмма яблок, припасенных супругами Богачевыми для поездки к сыну в Кронштадт на принятие воинской присяги.

Всего для нужд партии Смирнов экспроприировал у Богачевых ценностей на 1181 рубль. Можно представить себе, как обидно было Богачеву вынести такое от собрата по движению, хотя к тому времени он уже и принял решение порвать и с этой партией и возглавить либерально-демократическую. (К слову сказать, Лев Убожко ныне уже председатель Консервативной партии Советского Союза. Такая политическая мимикрия по меньшей мере вызывает любопытство, но это уже за рамками нашего исследования.)

Лично меня просто восхищает культурный уровень разбойного нападения, учиненного псевдодемократом. Да, это вам не какой-нибудь громила вламывается в дом, орет что-то нецензурное, лупит по мордам, ломает мебель, расшвыривает вещи. Собрал без излишнего хамства ценности, деньги, пожелал успехов на партийном поприще, посочувствовал ограбленному — дескать, что поделаешь, демократия требует жертв — и, попрощавшись, спрятал пистолет в карман, чтобы не спугнуть случайного соседа.

Само собой, совать в бок пистолет не очень-то эстетично. Разбой даже в подрумяненном виде не вписывается в идеологию, которая направлена против тоталитаризма. И Смирнов, поняв это, в дальнейшем пистолетом впрямую никому не угрожал. Но и не делал из него большой тайны. Пистолет то случайно вываливался у него из кармана, то он сам постреливал из него, чисто спортивно, по мишеням, чтобы почувствовать себя мужчиной. В одной из квартир, например, он, как бы радуясь жизни, пулял во второй том избранных сочинений О. Генри, который впоследствии фигурировал в уголовном деле в качестве вещественного доказательства.

Видела у Смирнова пистолет и член ДС Тамара Новикова, у которой он на некоторое время останавливался. Постоловался, пообсуждал партийные новости, прихватил тысячу рублей, собранных на памятник матери, и пропал. Затем, когда она отбыла по партийным делам в командировку, неожиданно всплыл в доме ее подруги Галины Беловой.

— Принес Тамаре должок в тысячу рублей. Тяготит меня, но в отъезде Тамара. Не могли бы передать? Впрочем, погодите, мне все равно надо забрать у нее свои вещички. Не сладилось у нас как на личном, так и на общественном фронте. С ДС у меня сейчас идейные расхождения. Вот даже ключик имею от квартиры, а не пойду. И где заночевать, ума не приложу. Может, у лучшей подруги?

Три дня провел Смирнов в уютной квартире Беловой. На четвертый отлучился за продуктами. В ванной остался его замоченный свитер, которому он сказал последнее прости, так как вместо него прихватил из дома все драгоценности. К Тамаре Михаил так и не попал, а купил билет в Ригу, где ему вдруг захотелось пообщаться со своим знакомцем по ДС Янисом Лапа, с которым у него почему-то разногласий не было.

Надо сказать, что Смирнов грабил не только представителей демократических движений и близких к ним людей. Любил он трясти и аполитичных автовладельцев, но и здесь старался не выйти из образа благородного демократа. Попавшись, он пытался внушить следствию, что грабил исключительно в долг, имея твердое намерение все вернуть.

Выглядело это, по показаниям Смирнова, так: «Белова послала меня за продуктами, а денег не дала. Я взял ее золотые украшения и ушел. Часть ее вещей у Татьяны в Торжке, у которой я брал взаймы 350 р., чтобы расплатиться за спирт, который принес любовник ее сестры. До этого в залог ей я оставлял печатку Богачева, а так как я обещал ему вернуть его вещи, печатку я забрал, а в залог оставил золото Беловой».

Ох как трудно Михаилу было выкарабкиваться из пикантных ситуаций, хотя в фантазии, остроумии и тончайшем понимании людской психологии ему не откажешь! Не учли законники, что в семью другой Галины — Туляковой — Михаил втерся не столько для завладения ее машиной и вещами (суммарный ущерб — 18 тысяч), сколько для разоблачения этой мафиозной семейки.

— Докладываю как на духу родному советскому следствию,— лояльничал Михаил.— По сравнению с Галиной я жалкий щенок. Она украла в Академии наук мрамор, стибрила облицовочную плитку, увела чужой автомобильный прицеп, балуется с валютой. И даже подговаривала меня убить своего племянника Леонида, который обокрал ее дочь.

Следствие забуксовало, уйдя с головой в переписку с учреждениями, якобы пострадавшими от Галины, опрашивая население на предмет пропажи прицепа, изучая личность племянника Леонида. Галина при ближайшем ознакомлении оказалась симпатичной учительницей, ни в чем дурнопахнущем не замеченной, если не считать выращивания поросят в дачных условиях.

В Ригу Смирнов отправился, чтобы довооружиться и обрести напарника, готового на все ради торжества демократических принципов. Заставил своего знакомого по ДС Яниса Лапа изготовить ему обрез из старого охотничьего ружья, купленного за бутылку спирта, удавку из струны банджо и барабанных палочек и отпустить с ним в Москву пасынка Н. Лакшевица.

Был Новый год, и Смирнов поднимал бокал за демократическую Латвию, но почему-то не мыслил ее без вооруженного вояжа в столицу на пару с пасынком, без ограбления квартир «обеспеченных коммунистов».

Как мы убедились чуть выше, Михаил Смирнов грабил всех подряд, не спрашивая партбилета, поэтому не думаю, что он имел зуб на марксистское учение и его приверженцев. Но он надеялся, что политическая заостренность будущих ограблений найдет отклик в душах его знакомых латышей.

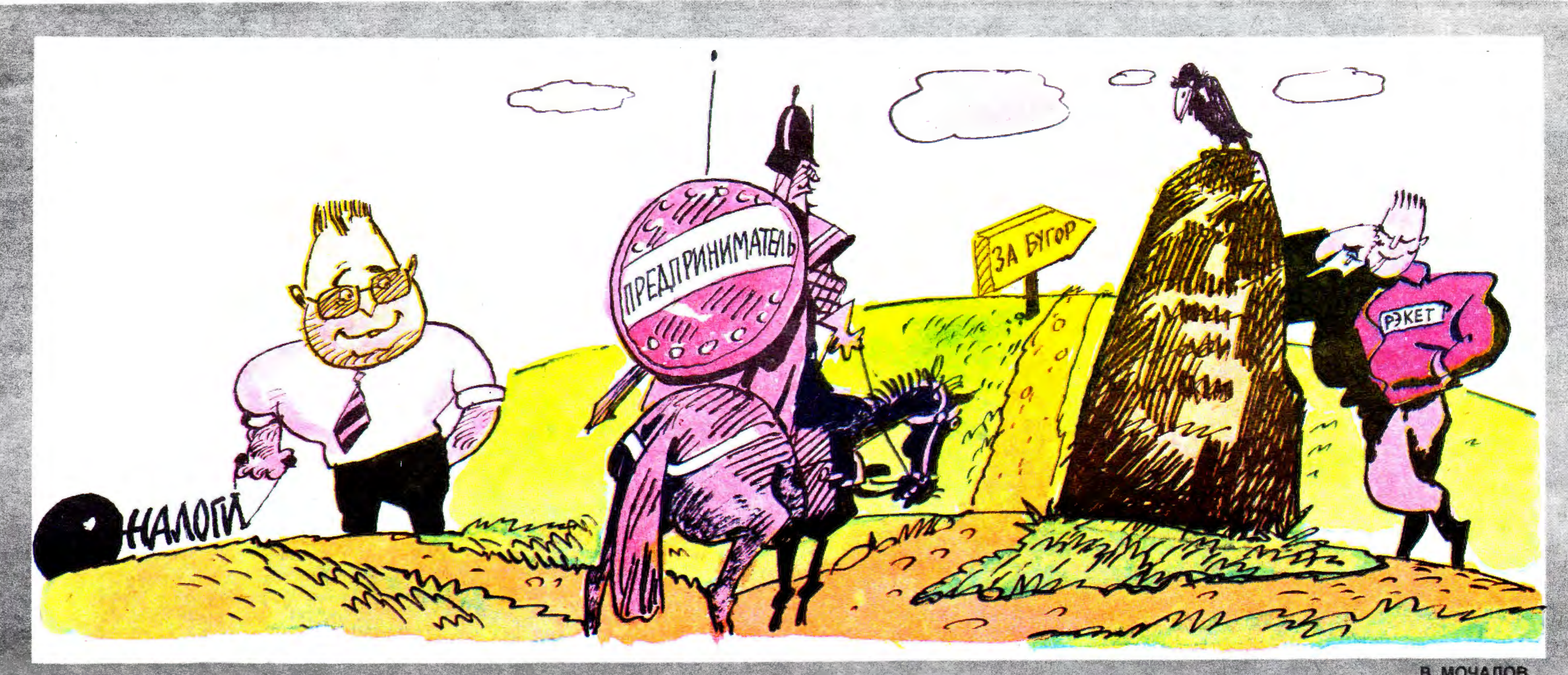
Не получилось, спекуляция на политической конфронтации ему не удалась. Задержали Смирнова с его арсеналом сразу же по прибытии в Москву на Рижском вокзале. Чтобы получить свои семь лет строгого режима, ему понадобилось всего-навсего перейти на другую сторону площади.

А поведал автор эту историю вовсе не для того, чтобы бросить тень на демократическое движение. Во-первых, главный герой никакого отношения к нему не имеет. Во-вторых, хотя автор отнюдь и не является горячим поклонником упомянутых им политических формирований, он далек был от намерения сготовить из их партийной практики и уголовных деяний своего героя некое жгучее блюдо в угоду ярым противникам демократического развития общества.

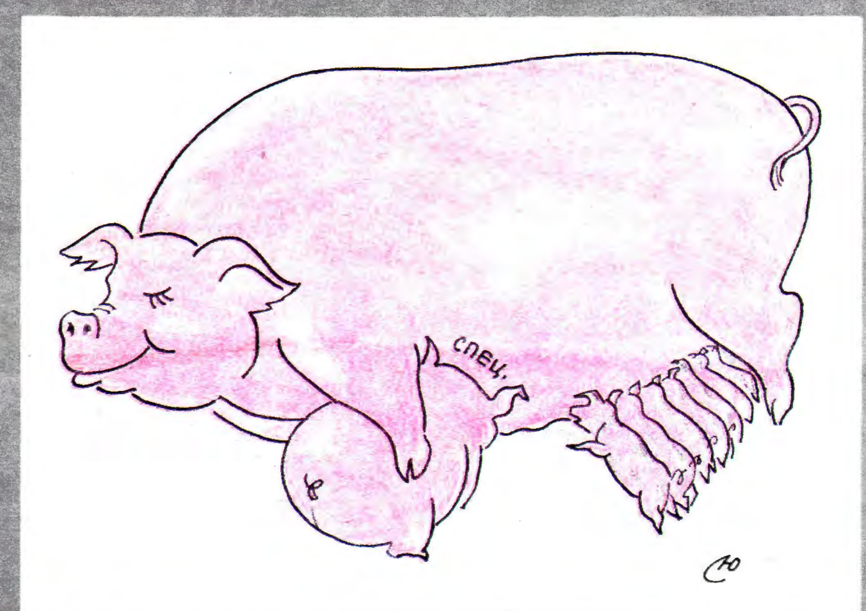
Он хотел сказать только то, что сказал: облик демократа стал удобной маскировкой для лихих людишек, преследующих свои уголовно наказуемые цели. Примазавшись к демократическому движению, они легко могут скомпрометировать его, создать у населения его искаженный образ, заронить сомнения:

— Гляди-ка, даром что демократы. Пистолетом балуют, грабят, разбойничают. Ну вылитые авантюристы с большой дороги! Ату их, граждане, ату!

Так что автор настойчиво просит вас, дорогие демократы: пристальнее всматривайтесь в лица тех, кому протягиваете руку. Иначе какой-нибудь псевдодемократ с пистолетом в руках может очень некстати подставить ножку...

В. МОЧАЛОВ

Ю. СТЕПАНОВ

Р. ДРУКМАН

В. ЛУГОВКИН

Б. ЗЕНИН

ПОГОВОРИМ, ЧИТАТЕЛЬ

УМНИКИ — НЕ ДУРАКИ,

или На чью удочку попадается Крокодил?

Как вы думаете, может ли один мужик прокормить не двух генералов, как у Салтыкова-Щедрина, а целый горсовет?

Это смотря сколько в нем депутатов, скажете вы. А я думаю, что дело не столько в числе депутатов и даже не в их аппетите, сколько в самом мужике. Если он свободен от руководящих указаний, если земля принадлежит ему по праву собственности, если, наконец, он может без проблем купить те сельхозмашины, которые ему нужны, то настоящий хозяин сможет прокормить не меньше сотни человек. Как, скажем, это делает фермер в Голландии, Дании или в США. Чем наш работящий мужик хуже иноземного?

Конечно, не хуже. Но все дело в вышеозначенных «если». Правда, на этот счет у различных людей есть различные мнения. К примеру, есть мнение читательницы Т. И. Забировой из г. Новомосковска Тульской области, которая прислала отклик на фельетон «Может ли мужик прокормить горсовет?» (№ 30, 1990 г.). Письмо объемистое, приводим его в сокращении, сохранив суть и идею. Вот что пишет Татьяна Ивановна.

«Крокодил»! Голубчик! А ведь и ты, уж на что, казалось бы, стойкий партийный боец, незаметно для себя поддаешься «веяниям моды», начинаешь пропагандировать переход нашей страны от социализма к капитализму... Много же у нас появилось ученых людей, которые скрупулезно все подсчитали, как на Западе и как у нас. И все эти подсчеты, разумеется, не в нашу пользу. Об одном только забывают все эти «ученые» — об истории собственного государства...

Тот же американский фермер отлаживал свое хозяйство чуть ли не 300 лет... Так что не рановато ли мы взялись плевать в наш колхозно-совхозный колодец и пропагандировать явный капитализм? Не эти ли самые «плевки» довели до того, что большая доля урожая нынешнего года осталась неубранной?..

Все эти ученые умники забывают или не хотят помнить и понять, что наше социалистическое государство прожило всего 73 года! И все эти 73 года ему не дают покоя. На него постоянно ополчаются и враги внешние, и враги внутренние...

Ведь это всемирно-исторический факт, что именно Советский Союз спас человечество от фашизма. И что в годы Великой Отечественной войны на самых трудных участках фронта и тыла стояли насмерть коммунисты... Многие средства массовой информации ополчились на КПСС вместо того, чтобы раскрывать народу глаза на «деяния» конкретных виновников, торговцев Родиной, которые ведут войну с партией... и не скрывают своих алчных аппетитов и притязаний на власть...

И ты, многоуважаемый «Крокодил», невольно поддаешься на их удочку... Нельзя рисковать нашим будущим...»

И далее Татьяна Ивановна дает рекомендации, что надо делать, чтобы «не рисковать нашим будущим».

Это, перво-наперво, «перестать завидовать США, а жить по-своему, по-русски». Во-вторых, «прекратить всяческую болтовню о том, что надо накормить Россию. Если правильно и честно распорядиться своими кормами, народ с голоду не помрет». В-третьих, «восстановить престиж честного труда, чтобы труд в СССР по-прежнему стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства». В-четвертых, «надо запретить законом все эти «Демократические России», явно вражеские организации». Для чего «заставить работать по-дзержински все правоохранительные органы».

Сейчас подобных взглядов становится все меньше — прозревают люди. Но все же хочется поспорить с т. Забировой. Поговорить по душам. Поразмышлять.

Первым делом насчет «веяний моды». Не мода это, Татьяна Ивановна, говорить начистоту о нашем прошлом, настоящем и будущем. Десятки лет мы жили во лжи, в пропагандистском угаре, десятки лет печать вытягивалась во фрунт перед нашими «идейными вождями». Перестройка и гласность позволили говорить ПРАВДУ. Возможно, она не всем по вкусу, так ведь правда — не девушка, которая хочет всем нравиться.

Вот вы пишете, что мы «забываем об истории нашего государства». Нет, почему же, я, например, отлично помню, как ликвидировали кулачество «как класс», при этом заодно был ликвидирован и класс крестьянства вообще. Крестьян загнали в столь милые вашему сердцу колхозы и впредь стали именовать колхозниками. Следствием этой доблестной акции был голод в стране, и я, городской мальчишка, помню, как опухшие от голода люди приходили в наш город собирать объедки на помойке. Эти люди были те самые колхозники, а происходило это на Украине, житнице страны. Вот после столь смелой «ликвидации» крестьянин и перестал быть хозяином земли, средств производства и результатов своего труда. Не потому ли и нынешний урожай постигла такая же печальная участь, как и многие предыдущие?

Да, вы правы, всю свою историю мы не знали покоя. Мы боролись с «внутренними врагами». То с «чаяновщиной», то с «левым уклоном», то с «правым», то с «троцкистами-бухаринцами», то с «вейсманистами-морганистами», то с «космополитами» и т. д. и т. п. И я видел, как наш большой дом в Харькове, населенный военными и интеллигенцией, постепенно пустел в годы так называемой «ежовщины», а затем «бериевщины», видел, как мои родители не спали ночами, прислушиваясь, не позвонят ли в дверь незваные гости. Слава Богу, пронесло... Да и то, наверное, потому, что как раз в те годы отец умер своей смертью...

Мы боролись, а американский фермер «отлаживал свое хозяйство». Правда, не 300 лет, а только 200, но не в этом суть. Суть в том, что мы доборолись до того, что десятки миллионов советских людей оказались за колючей проволокой, а армия наша встретила войну неподготовленной: был выбит почти весь цвет ее офицерского состава. Да, мы спасли мир от фашизма, но я прошел войну «от звонка до звонка» и знаю, какой ценой нам досталась победа: за каждого вражеского солдата мы заплатили шестью жизнями своих людей.

Но самое невероятное, самое обидное, что мы, победители, живем сейчас хуже, чем бывшие побежденные. И теперь та же Германия и та же Япония оказывают нам гуманитарную помощь... Вы считаете, что виновата перестройка? Что страну довели до разрухи «все эти «Демократические России»? Увы, нет. Все это результат строительства социализма «по Сталину» и «по Брежневу». Социализма, при котором одни (ничтожная часть) жили уже при коммунизме, а другие (большинство народа) считали деньги от получки до получки. И если «ученые умники» утверждают, что разница между Западом и нашей страной «не в нашу пользу», то они, к великому сожалению, правы. И чтобы убедиться в этом, не надо быть большим ученым.

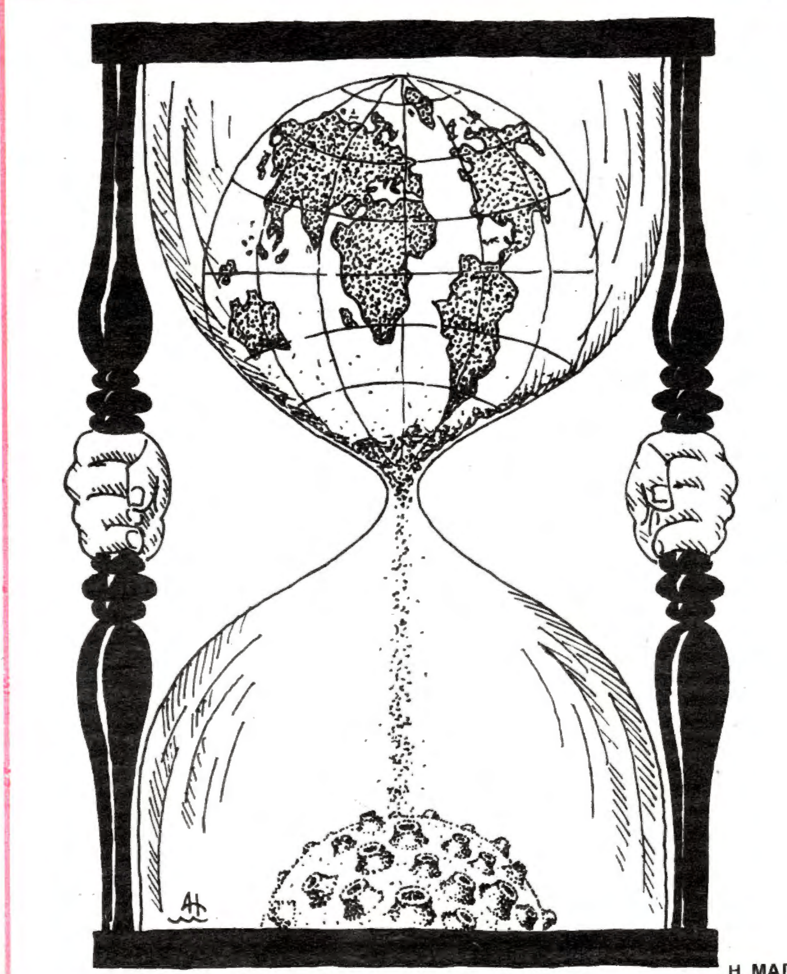
Вы настаиваете на том, что следует «прекратить всяческую болтовню о том, что надо накормить Россию. Если правильно и честно распорядиться своими кормами, народ с голоду не помрет». А ведь семь десятков лет наши правители только и делали, что распоряжались «кормами», чтоб «народ с голоду не помер». Вот и жил он впроголодь, едва сводя концы с концами, в то время как «загнивающий Запад» тучнел, наживая праведные богатства, и при этом не только выдавал пособия собственным безработным, но и нам продавал пшеницу и прочие товары народного потребления. А мы за эту пшеницу и эти товары расплачивались нашим единственным богатством: нефтью, газом, лесом и другими ресурсами.

Так какими же методами хотите вы «восстановить» все это? Ясное дело, сперва «запретить», а затем «заставить по-дзержински работать все правоохранительные органы». Это как же — сажать и расстреливать, в чем весьма преуспел «железный Феликс»? И двигаться под усиленной охраной к светлому будущему? Помнится, еще М. Е. Салтыков-Щедрин вывел некоего ретивого начальника, которому грезилась «каторга, то есть общежитие, в котором обыватели не в свое дело не суются, пороху не выдумывают, передовых статей не пишут, а живут и степенно блаженствуют. В будни работу работают, в праздники — за начальство богу молят. И оттого у них все как по маслу идет».

Но ведь не получится «как по маслу», уважаемая Татьяна Ивановна. Не то нынче время. Да и у Щедрина это произведение называется многозначительно: «Сказка о ретивом начальнике». Вам бы хотелось «сказку» сделать былью?

Навряд ли выйдет. Народ теперь больно умный стал. Не позволит.

Юрий БОРИН.

Н. МАЛОВ

В. ПОЛУХИН, Р. ДРУКМАН (тема)

ДЕПУТАТСКАЯ ПРИЕМНАЯ

СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМЫЙ КУКИШ

Ну, не парадокс ли: в наше, казалось бы, абсолютно бестоварное время наблюдается прямо-таки настоящий бум в развитии рекламы товаров и услуг! Со всех сторон, с любых экранов, фанерных щитов, тумб и заборов еле успеваешь постигать: где, что, сколько и почем продается. Но что самое примечательное: нашего готового ко всему человека уже сегодня, оказывается, совершенно не волнуют такие нюансы, как что конкретно продается, какое оно на вид или на вкус, сколько его и даже почем, а исключительно — ГДЕ дают? И он, узнав адрес продажи, готов мчаться хоть на край света, невзирая ни на «что», ни на «какое», ни на «сколько» и даже ни на «почем».

Но... тут-то и ждет его, советского бедолагу, некий сюрпризец. Добежав — в ответ на зазывность изобретательной рекламы — до этого самого «где», он вдруг обнаруживает, что бежал зря. То есть недоступно ему, советскому, сие ни за какие деньги. Точнее, ни за какие **советские** деньги... Что делать? И он, по старой доброй традиции, пишет в редакцию. Что и сделал наш читатель В. Николайчук из Воронежской области:

«Уважаемые журналисты! Скажите, мы существуем еще как народ или уже нет? Куда ни глянешь — все продается на доллары, на франки, на марки (жаль только, что не на почтовые, а на германские). Только раскатаешь губы на товар или на приглашение в ресторан, но — кукиш с маслом! Вернее, сейчас уже никакого даже масла, один кукиш... Так вот я вас спрашиваю, дорогие писаки: имеют ли вообще-то смысл **советские** деньги? Зачем нам выдают зарплату рублями, если все вокруг — только на конвертируемую валюту? Хотелось бы спросить у какого-нибудь крупного депутата-экономиста: осталась ли у нас всех совесть? Не стыдно ли нам в своей стране жить на чужие деньги, которых, кстати, и нет?»

Что ж, товарищ Николайчук, выполняя вашу просьбу, пригласили мы в нашу «Депутатскую приемную» как раз депутата-экономиста, да не «какого-нибудь», а весьма крупного ученого, известного в стране человека, члена Верховного Совета СССР, эстонского академика Михаила БРОНШТЕЙНА.

— *Михаил Лазаревич, так как, на ваш просвещенный взгляд, у всех нас с совестью?*

— Ну... как у нас с совестью — это вопрос философский, разговор долгий, да и не по моей, так сказать, узкой специальности, а вот как с валютой, сказать могу. И вопрос читателя, конечно, законный. Мы, между прочим, именно законную его сторону и обсуждали очень подробно у нас на Комитете по экономической реформе в ВС СССР. И как вы, видимо, знаете окончательное принятие во втором чтении Закона о валютном регулировании надолго растянулось... Принят он лишь в начале марта.

— *Что, было сопротивление с чьей-то стороны?*

— Видимо, да... У нас, например, был большой спор с правительством. В своем варианте Закона правительство ратует за наличие работающих параллельно и валютных магазинов, и рублевых. Мы же, в том числе и я, категорически против этого.

— *Почему?*

— Очень просто. Потому что, когда одновременно действуют две валюты — одна настоящая, а другая, как мы ее называем, «деревянная», то ясно же, что настоящая всегда вытесняет эту самую «деревянную». И к тому же это сопровождается, как правило, неограниченным валютным шантажом.

— *Попытки эмпээсовцев заставить нас покупать железнодорожные билеты за валюту — из этой оперы?*

— Конечно! И не только МПС шантажирует, но и Аэрофлот, и другие организации. Все, кто может, будут стараться продавать свою продукцию только за валюту. Никак не за рубли!

— *Что мы и видим сейчас повсюду: бесконечные рекламные призывы, обращенные к «гражданам, организациям, имеющим свободно конвертируемую валюту», и о чем пишет нам читатель. Еще одна цитата: «...Даже пожрать нормально и то нынче можно только в валютном ресторане. Позор, да и только!»*

— Что тут возразишь...

— *А что можно предложить, Михаил Лазаревич?*

Мы, наш Комитет, предлагали так называемый «польский вариант». Суть его вот в чем. Польский злотый очень слабый. Он ведь до недавнего времени — и долго — был еще более слабым, чем даже наш рубль. Сейчас-то он усилился, но, смотрите, как поляки этого добились.

Они сделали так: по чисто рыночному курсу в любом месте — через каждые сто метров — меняльные конторы обменяют вам злотые на доллары, и наоборот. Пожалуйста! В нашем случае это был бы курс, например, такой: доллар сегодня реально стоит 30 рублей? Пожалуйста, меняем рубли на доллары именно из такого расчета. Один — за тридцать. То есть как скажет рынок, так и обменяем. Но вы ведь понимаете, когда всюду будет **свободный** обмен валюты, курс обязательно упадет, это естественно.

Но! На эти самые доллары, купленные за злотые, там, в Польше, **запрещается в любом магазине торговать.** Нет там долларовых магазинов! Все продается и покупается исключительно за злотые. Но ты имеешь возможность свободно менять деньги. Поэтому человек, имеющий доллары, должен сначала обменять их на польскую валюту, а потом на полученные злотые может купить товар. Конечно, цены там высокие, далеко не каждый может все, что продается, купить, но — на злотые!

Так и у нас надо сделать. Тогда наш рубль будет единственной валютой, за которую в СССР можно будет покупать товар. Не будет валютного шантажа, спекуляции тоже не будет, потому что все эти меняльные конторы, пункты обмена будут в любом доступном месте.

— *И всем станет выгодно...*

— Конечно. Во-первых, они же, эти конторы, платят государству налог. Во-вторых, часть своих денег, своей выручки, оборотного капитала они тоже хранят в государственном банке. Значит, растут долларовые активы... Во всяком случае, в Польше финансовая ситуация изменилась явно к лучшему. И мы в Комитете склонялись именно к этому варианту. Но... пока мы ломали копья у себя в Комитете, а потом и в парламенте при первом чтении, оказалось, что... махали кулаками после драки! Выяснилось, что мы же сами в свое время допустили ошибку при принятии Закона о банках. Дело в том, что в проекте Закона о валюте мы предлагали четко записать: «Использование иностранной валюты в качестве средства расчетов на территории СССР допускается, между банками...» Понимаете, только между банками! И далее: «...и запрещается обращение иностранной валюты в качестве платежного средства на всей валютной территории СССР...» Логично?

Но когда посмотрели в принятый нами же ранее Закон о банках, прочли там следующее: «...использование иностранной валюты... при осуществлении расчетов на территории СССР допускается в порядке, установленном Государственным банком СССР». Чувствуете нюанс: уже не между «банками», а вообще — «при осуществлении расчетов»... и так далее.

— *То есть вы сами, парламентарии, отдали решение вопроса о хождении валюты на откуп Госбанку?*

— К сожалению. И он теперь исходя из своих соображений может допускать хождение и иностранной валюты, и рубля...

— *Значит, ералаш, о котором пишет читатель, будет продолжаться и ничего уже с этим не поделаешь?*

— Юристы учат нас, что принимаемый новый закон должен соответствовать принятому ранее. Но есть некоторая надежда, что сумеем как-то повлиять на Госбанк, если он будет злоупотреблять предоставленным ему правом. А пока... Читатель прав, когда возмущается всей этой вакханалией с деньгами.

— *А что, вы лично тоже воспринимаете это как вакханалию?*

— Еще бы! Попробуйте, например, снять в Москве квартиру за рубли!..

Пригласил депутата в приемную Григорий КРОШИН.

Фото Б. КРЕМЕРА

Вадим ПОЛУЯН

К 60-летию со дня рождения

ВЫПУСКНИКИ ПЯТИДЕСЯТЫХ

Годы шли: сентяб, тяп, тяп и — лето...
Нарождался в утренней возне
серебристый, как солист балета,
день, стократ увиденный во сне.
Лишь меня он отогрел, хрусталясь:
я и рабство в этот день расстались.
Не боюсь тупых белков навыкате.
Мне теперь не тыкайте, а выкайте.
Хохочу отчаянно, зубасто:
гражданин начальник, баста!
Ты прости-прощай, привычная колонна,
пересчитанная поголовно!
Конвоиров от друзей оттисну,
окружай меня хоть сто погон.
Бывшему народному артисту
кошелек вручаю с табаком.
Потный повар, пахнущий баландой,
письмецо строчит: «Жене отдашь».
Полон поэтичности балладной
пляшущий сквозь слезы карандаш.
Грустно брадобрею-остряку,
бывшему писателю-подпольщику:
«Задарма, как прежде, остригу,
только не по-нашему — под полечку!»
Ножницы стреляют, как наган.
«Эх, живи! Да наперед не вольничай!»
И скупые локоны невольничьи
кандалами падают к ногам.
Кто-то скис (уж как себя ни вышколи!).
Кто-то не исправлен, а добит,
огражденный от вниманья вышками,
но не огражденный от обид.
Я же к проходной шагаю по проталинам
в новом ватнике,
каптерщиком подаренном.
Прохожу, шагам своим не веря...
Ну теперь попробуй посади!
Челюстями скованного зверя
лязгнули решетки позади.
В тишину вхожу,
командой не нарушенную,
и пустое поле обнаруживаю...
Где же вы, друзья, родня, знакомые?
Прут навстречу страхи незаконные.
Падаю в полоски в паровые,
воли испугавшийся впервые.
Мир до непонятности огромен.
Я один. Со мной мешок. А кроме...
Кроме этого, лишь зона за плечами.
Вижу злость в зрачках чужих домов,
яд на едких язычках дымов —
заклеймили вдруг, заобличали!
Кем я был? Кем стал за столько зим?
Как зверушка, выданная шавкам,
лютым одиночеством казним,
я... назад плетусь неверным шагом.
Мой паек! Мой номер! Мой барак!
Возвращаюсь в ад на всех парах...
Но глаза вахтеров леденят.
Но грозит в окошко лейтенант.
Я из зоны выставлен резонно.
Путь далекий скользок и горбат...

Так от Сахалина до Карпат
разрослась моя немая зона.

ХОЛОДИЛЬНАЯ УСТАНОВКА

Скажите, отчего теперь
то мороз, то оттепель?
И опять не понять,
как одеваться:
оттепель — годков на пять,
а мороз — на двадцать!
Скользкий путь ослезим,
подозреньями дразнимы...
Всюду вёсны после зим,
нам же после вёсен — зимы!
И не возникает спор,
кто наше лето спёр.
Хоть мы Северу и дети,
мысль болит, как в зубе нерв:
ведь не век же на диете,
на ледовой,
как медовой,
нам сидеть, оцепенев!
Изморозью мозг исколот,
в нем по солнышку голод.
Рыбы греются отмелью
под водою-стеклом...
Накормите не оттепелью —
теплом!
Напоите бальзамом оранжевым!..
Но сплошной ледниковый январь
напоит и накормит едва ль.
Снова вьюги поют: «Замора-а-аживаем!»
Ах, куда все июни с июлями óтбыли?
Дайте горстку лучей взаймы...
Лишь сосульки не плачут по оттепели
в неуступчивой власти зимы.

РАЗДОРОЖЬЕ

Запечатанная Троя —
несчастная Русь...
Запечаленная тройка,
нещадная рысь...
В дно глазниц, в оскал клычиный,
в спину и в живот — кнуты,
в кулачины
воткнуты.
Как недуг твой назвать? Открой мне!
Азиатская ли желтуха?
Европейское ль белокровье?
Прежде — жизнишка, нынче — житуха!
Я в деревне избу построю
с глазами печальными-распечальными.
Запечатанную мою Трою
распечатали!
Распечатали, как конверт...
Слезы — с сосенки, слезы — с ели...
Распечатали, как коробку конфет,
и... съели.
И, хрипя, получала поддых
уж не тройка, а пара гнедых.
Корчевали сады уголовники,
выставляя зады-уполовники.
Где заступа у челобитчика?
Неизвестный захватчик нов...
Ну что ты выпучила, печка,
белки порожних чугунов?
Взгляни-ка: маковка пуста,
а колокольня безъязыка...
И только в животе музыка
непреходящего поста.
Видно, черт своих скоморохов
с человеческими побратал.
И поджаривали нас на сковородках
с вышками по бортам...
Серебряные кони
луну из Волги пьют.
Сиреневые кони
зарю копытом бьют.
Правят деятели
к обочине,
чтоб мы забыли и о дéдине,
и об óтчине.
Не варварской — адскою силой творима
Вторая Италия из Третьего Рима.

Мы стали говорить
не «класть», а «лóжить».
Телегу тянет ломовая лошадь.
Супонь ослаблена, хомут не душит.
А конь поводит ребрами — недужит!
Со всех сторон кричат: поосторожней!
Не растревожьте груз на раздорожье!
С тракта, с наледи
страх-то — нá люди!
Погонщики охрипли от команд.
Всех ссорят сопромат и компромат.
Застыл ли, движется ли воз?
Все чувствуют себя, как в ВОС
(во Всесоюзном обществе слепых).
Пусть тянет, если конь... А если бык?
За отстающим нет погонь.
Кнуты занесены: как быть-то?

Куда поскачешь, гордый конь,
и где приклонишь ты копыта?

НА КОНКУРС «ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»

Н. РАЧКОВ, г. Тюмень

В. ДУБОВ

Р. ЮНУСОВ, г. Волгоград

В. ЮЖНЫЙ, г. Одесса

В. ПРИСМОТРОВ, Московская обл.

А. РАКИТИН, Мурманская обл.

— С вас дополнительный налог за повышенное напряжение.

В. БЫКОВ, г. Чебоксары

Ю. КОСОБУКИН, г. Киев

Юрий БЕЛЯВСКИЙ

ДНИ В НЕВОЛЕ

Рассказ

На протяжении многих лет, когда на встречах с читателями у писателя Половецкого-Пляскина спрашивали о том, как он начал писать, ответ был обычно таков:

— А как же и не писать-то, други мои? — недоуменно разводя руками, вопрошал мэтр.— Оглянитесь окрест на просторы Отечества нашего, на людей наших чудесных бросьте взор свой! И рука сама потянется к перу, перо к бумаге!

Дальше Половецкий мысль не развивал, но присутствующим становилось ясно, что бумага сама потянется к ротационной машине, солидный том — к книжному прилавку, а рука писателя — к гонорарной ведомости.

Однако наступил момент, когда Афанасий Африканович почувствовал, что отточенная формулировка, сопровождаемая разведением рук, слушателей больше не удовлетворяет.

Пошла мода на страдания, и почитатели таланта жаждали от своего кумира откровений по части преследований, унижений и отсидок.

Соседи по литфондовскому кооперативу Хазарский и Печенегов имели блистательные аншлаги на встречах с читателями, оглашая там протоколы полувековой давности с поминанием таких имен, от которых у Половецкого до сих пор начинало учащенно биться сердце, а на лбу выступал холодный липкий пот.

Читатели и почитатели, еще недавно умиленно внимавшие его призывам оглянуться окрест, пачками перебегали в хазарско-печенежский стан, и некогда звонкое имя Половецкого-Пляскина все чаще вызывало у них иронически-кислое выражение лица.

Положение требовало экстренной поправки, и писатель засел на даче, перебирая и анализируя события своей жизни в свете требований, поставленных неумолимым временем.

Преследования... Пожалуй, кроме первой, давно и прочно забытой жены Алевтины, на протяжении восемнадцати лет упрямо достававшей его по поводу сокрытия части доходов от взимания алиментов, никто Половецкого не преследовал. Алевтинины преследования, конечно, отравляли Афанасию Африкановичу жизнь, но для нынешней взыскательной читательской аудитории этого было явно недостаточно.

Унижения... Самое большое и глубокое унижение в своей жизни Половецкий испытал лет десять назад, когда, сопровождаемый юной и очаровательной поклонницей, он уверенным шагом направлялся в писательский ресторан, но на самом пороге был остановлен метрдотелем, нагло заявившим: «Мест нет».

Тогда же Половецкий-Пляскин ответил на это унижение публикацией в газете «Культура и мысль» гневного публицистического эссе «Окололитературные жучки», вызвавшего серьезную дискуссию в среде писательской общественности.

Но в силу огромной душевной самовзыскательности Афанасий Африканович понимал, что читатели вряд ли смогут осознать всю глубину его тогдашнего унижения.

Отсидки... Их в кристальной анкете писателя не значилось. Впрочем, одна все-таки была. И чем дольше Африканыч о ней думал, тем отчетливей понимал, какую огромную, судьбоносную роль сыграла она во всей его последующей жизни.

А было дело так. На самои туманной заре своей юности был он за академическую задолженность вышиблен со второго курса института и отправлен служить в армию. Служба у рядового Пляскина (а он тогда нóсил еще только эту фамилию) шла до такой степени ни шатко ни валко, что однажды за низкое качество чистки полкового сортира был он отправлен комроты Оловянниковым на гауптвахту. Там-то и произошло событие, давшее его судьбе правильное дальнейшее направление.

Как-то под вечер, когда Пляскин вместе с сокамерниками раскуривал по кругу последний окурочек, восстанавливая силы после целодневной разгрузки угля, его неожиданно вызвали к начальнику гауптвахты.

В ярко освещенной канцелярии за столом сидел пожилой капитан с незапоминающейся кавказской фамилией. Он пронзительно посмотрел на арестанта и, с трудом выговаривая слова, произнес:

— Слушай, Пляскин, ти почти висший образований имеешь, зачем тибе уголь грузит?

Пляскин, ранее не задумывавшийся над тем, как сопрягаются два курса института с разгрузкой угля, быстро закивал головой, соглашаясь, что вполне обойдется без угольного занятия.

— Понимаешь, дарагой,— продолжил капитан, удовлетворенный понятливостью Пляскина,— наш гауптвахта занял первый место в округе по дисциплинарной воспитаний воина. Нада статья в окружной газэт писат!

Капитан встал из-за стола, подошел к Афанасию и, ткнув его железным пальцем в грудь, строго закончил: «Ты писат будишь!»

На следующее утро Пляскина перевели в отдельную теплую камеру, где стоял стол, на котором лежали стопка бумаги и письменные принадлежности.

Кормили Афанасия сытно, с офицерской кухни; выдавали на день десяток папирос «Герцеговина Флор», и, стругая статью о том, что лучшим средством для повышения боевой и политической подготовки воина является посадка на гауптвахту, Пляскин больше всего опасался, что напишет ее раньше, чем закончатся оставшиеся пять суток ареста.

Произведение капитану понравилось. Читая его, капитан радостно цокал языком, одобрительно хлопал Афанасия по плечу, и расстались они почти друзьями.

Через месяц, когда статья за подписью капитана появилась в окружной газете, он зашел к Пляскину в казарму, подарил две пачки папирос и с благодарной ноткой в голосе сказал:

— Ти, Афанасий, балшой писатель будишь. А пока, если какой неприятност вийдет, приходи ко мне на гауптвахта, отсидишь по-хорошему.

На гауптвахту Пляскин больше не попадал, но первые дни, проведенные в общей камере, запомнил на всю жизнь. Не раз потом в большой его писательской жизни воспоминания эти не давали ему ошибиться при выборе путей и решений.

Следующая встреча писателя Половецкого-Пляскина с читателями называлась «Дни в неволе».

Чуть ссутулившись, Афанасий Африканович вышел на сцену и, радостно нашарив записку, вопрошавшую о начале творческого пути, дрогнувшим голосом сказал:

— А как и не писать-то, други мои, когда черные силы в узилище тебя ввергнут? На воинах наших остановил тогда я взор свой. На судьбе их тягостной да печальной... И рука сама потянулась к перу...

Читатели слушали его, затаив дыхание.

ЛАУРЕАТ ОТ НАРОДА

Настало время подвести окончательные итоги двухгодичного конкурса карикатуристов «Глазами гласности».

По условиям конкурса одну из первых премий (300 рублей) должны были присудить сами читатели. Крокодил призвал всех любителей карикатуры принять участие в референдуме.

Для объективного подсчета голосов мы были вынуждены прибегнуть к услугам Института социологии, Госкомстата и Института общественного мнения, а также персонального крокодильского компьютера «Агат» (продажа во всех хозяйственных магазинах за свободно конвертируемые рубли).

Чтобы читатель не упрекнул нас в отсутствии консенсуально-плюралистической позиции, публикуем два письма.

Заслуженный деятель искусств Маргер Янович Витолинь из г.Юрмалы пишет:

«С каждым номером карикатуры становятся все хуже и хуже, и серьезно говорить о каком-то конкурсе карикатур, думаю, просто смешновато... Просто стыдно и жаль: был когда-то «Крокодил»...»

Андрей Иванович Осипенко из г.Темиртау другого мнения:

«Вы не шутки шутите по поводу читательской оценки конкурса? По-моему, вы взвалили на них непосильную задачу... Спасибо за доверие, но я лично пас... Благо было бы оценить трех там или четырех авторов. Но тут их десятки! И все как на подбор!.. Блещут талантами, остроумием, глубиной содержания. Я профессиональный художник и затрудняюсь определить, кто же больше всех меня раззадорил? Это парад остроумия! Ура «Крокодилу»! Это же классики завтрашнего дня! Нет уж — выкручивайтесь сами, как можете, раз сумели создать такую бригаду карикатуристов».

Оставив товарищей Витолиня и Осипенко на разных полюсах, сообщаем результаты читательского судейства:

Большинство голосов (около 25%) было отдано за художника Виктора Луговкина. 17,5% читателей голосовали за Александра Умярова. 10% выразили свое восхищение работами Германа Огородникова (хотя он и не принимал участия в конкурсе).

Итак, Луговкин.

Теневики под валютным солнцем

Аза ПАВЛОВА,
специальный корреспондент Крокодила

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИМУЩИЙ

Охота к перемене мест свойственна человеку. Окном в Европу, которое, как известно, прорубил еще Петр Первый, соотечественники пользовались без особых хлопот для себя и для Отчизны. До тех пор, пока не возникла Система, которая повесила на окно железный занавес.

И вдруг упал железный занавес. Открыли не только окно, но еще и ворота настежь. Некоторые сограждане сгоряча подумали: «Ну, теперь-то кинемся в вояжи и круизы. Наверстаем упущенное. Побегаем по Луврам и Дрезденским галереям. И мир посмотрим, и себя покажем».

Но тут из некоторых обыкновенных граждан вывелась доселе невиданная людская особь.

Она весьма прохладно относится к местам, где родились Моцарт или Шекспир, и остается дома. По законам сообщающихся сосудов (а другие-то в этом деле не действуют!) в то же самое время на советском черном рынке появляются банкноты, имеющие хождение как раз на родине великого композитора или драматурга. Иные лжепутешественники зачастят во вновь распустившуюся «Березку» и демонстрируют менее расторопным согражданам преимущества импортных вещей, приобретенных на валюту.

К примеру, семья Абуталибовых (фамилия изменена) из десяти человек во главе с восьмидесятилетней бабушкой представила в ОВИР приглашение из Турции посетить родственников в связи с рождением внучатого племянника. Заодно Абуталибовы страстно мечтали увидеть Босфор и старинные минареты. Однако, получив солидную сумму валюты, семейство враз остыло к турецким берегам, новорожденному родственнику и ехать раздумало.

— Да и был ли мальчик-то? — драматически воскликнул работник ОВИРа, рассказавший об этом случае.— Сейчас ловчат даже с приглашениями,— продолжил он.— Представляют поддельные, чужие, купленные. Многие из тех, кому мы выдаем загранпаспорта, никуда ехать не собираются. Все это знают, а что сделаешь? Раньше был такой порядок: паспорта нам возвращали с отметкой о пересечении границы. Теперь этот порядок как недемократичный отменен, и контролировать расход валюты по назначению должен Внешэкономбанк.

— А зачем контролировать? — отвечают во Внешэкономбанке.— Гражданин за валюту заплатил свои кровные рубли. Почему он не может распорядиться своей валютой по своему усмотрению? Да и у банка нет рычагов для контроля.

Выслушав обе стороны, я поняла, что при таком раскладе гражданину, замыслившему обогатиться валютой, надо встать в ряды путешественников у валютных касс и подставить карман для банкнот. И все. Совмин СССР позаботился о том, куда их потом пристроить. Постановлением № 712, принятым в 1989 году, он разрешил принимать валюту в торговых точках без всяких деклараций. О продаже валюты на черном рынке в постановлении Совмина, естественно, ни слова, что никак не мешает нашим финансовым акулам, воротилам и денежным мешкам сбывать ее и там.

Так что с акулами и воротилами все ясно. Система позаботилась, чтобы их жизнь текла молоком и медом. Создав очереди за валютой и выдавая ее кому ни попадя, она сделала очередной подарок теневой экономике. Да и такая ли уж она теневая, если выкачивание валюты идет у всех на глазах? А вот позаботилась ли она о получивших частное приглашение честных путешественниках, для которых и открыла ворота в мир? На первый взгляд да. Невыездных вроде бы больше нет. Если не брать во внимание наш деревянный рубль. Он-то остался невыездным и здорово подкузьмил вояжеров, которые тоже превращаются фактически в невыездных из-за процедуры обмена валюты. Ведь для многих многомесячное стояние в очередях на ее обмен сделало бессмысленным сам выезд.

— Ну, почему так мало обменных пунктов и обязательно надо маяться в очередях и по этому поводу? — задала я вопрос тому же чиновнику Внешэкономбанка.

— Без очереди не получается по технико-экономическим условиям,— туманно пояснил он.

Я поняла это так: валюты мало. Если будет много пунктов обмена и не будет очередей, то очень скоро нечего будет менять. А так идет волынка. Речка движется и не движется.

— Очередь — искусственный регулятор? — уточнила я.

— Я этого не говорил. Если я скажу так, меня выгонят с работы,— испугался представитель Системы.

Зря он напускал туману. Очередь — любимое изобретение Системы, к которой она прибегает всякий раз, чтобы у ее подданных был постоянный тренаж для развития выносливости. Пусть, мол, хотя бы не забывают стоять, глядя друг другу в затылок. Сограждане не забывают и даже привыкли к очередям, как к смене дня и ночи. Но чтобы стоять без дураков и честно. Система же нарушила «порядок». Пренебрегла советом Козьмы Пруткова: «зри в корень», а согражданам не напомнила другое его предостережение: «не все стриги, что растет». В результате наиболее изворотливые, на которых пробы негде ставить, стригут в очередях своих же соотечественников без зазрения совести.

Часть очереди, как все отлично знают,— это целая рать проходимцев-лжепутешественников. Это они отбирают валюту, предназначенную для тех, кто уезжает. Еще одна часть стрижет у сограждан деревянные рубли... торгуя очередью. В Неопалимовском переулке, например, место в очереди для обмена рублей на валюту стоит 800—1000 рублей. Здесь в октябре—декабре прошлого года было семь списков очередников, в каждом из которых до полутора тысяч человек. Но списки эти практически фикция. В них можно стоять до скончания века. Ибо проходят в день для обмена несколько десятков. Поэтому многие покупают очередь в первом списке, чтобы сберечь время и нервы.

Рискуют при этом только загнанные в угол путешественники. С ними не церемонятся не только «стригали», но и работники охраны порядка. Сотрудник Ленинского РУВД Москвы Сергеев в конце декабря минувшего года взял да и отменил все списки очередей в Неопалимовском переулке. Составил свой и провел по нему совсем других людей, ранее в очереди не стоявших. Когда же очередники, не один месяц ходившие отмечаться, возмутились, к ним, по свидетельству очевидцев, была применена дубинка.

— Сергеева я наказал своей властью,— сказал начальник Ленинского РУВД В. Киселев.— Он работник молодой, неопытный. А в очередях действительно много граждан, которые выезжать не собираются. Торгуют и очередью. Мы задержали четырех таких торговцев с поличным. Обнаружили при них восемь тысяч рублей. Но вот в чем их обвинить, что они совершили? Мошенничество, спекуляцию? Вроде бы нет.

Пока юристы ломают головы и листают уголовные кодексы, размышляя, а есть ли закон для дельцов теневой экономики, те процветают, размножаются простым делением и благодарят Систему.

А она прямо-таки толкает гражданина в спину, чтобы он шел по кривой дорожке. Платит ему зарплату в рублях, а за качество жизни требует платить валюту. Поэтому получившие путешественники, попав за кордон, бегают не столько по картинным галереям, сколько по магазинам: надо же «оправдать» свою поездку.

Правительство наше уповает на грядущую валютную биржу, где каждый сможет обменять рубли на свободно конвертируемую валюту. Да ведь от создания бирж валюты в стране больше не станет. Ее теперь даже на лекарства не хватает. Но, похоже, работникам ведомств, причастных к валютному обмену, лекарства не нужны: у них голова не болит. Не нужны они и нашим славным правоохранителям, которым недосуг дать укорот валютным махинаторам и спекулянтам. Хотя в Уголовном кодексе имеется статья, карающая за скупку и продажу валюты. Правда, юристы считают, что статья эта ныне устарела после упомянутого выше постановления Совмина. Дескать, нужны меры экономические. Рычаги.

Но ведь и рычагов-то никаких не видно. Я спросила заместителя начальника объединения «Союзвалютрасчет» Внешэкономбанка А. Полякова, как же все-таки бороться с валютным бизнесом. Он сказал, что в стране для внутреннего употребления должно быть одно-единственное платежное средство — рубль. Чтобы у всех сограждан были равные покупательские возможности. А еще, сказал Поляков, надо повысить курс валют до уровня черного рынка. Тогда теневикам не надо будет прикидываться путешественниками. Им придется продавать валюту за те же деньги, что и купят. И «навар» станет равным нулю.

Впрочем, нашим премьером ныне стал В. Павлов, бывший министр финансов, а стало быть, дока по части денежного обращения. Может, он придумает что-нибудь еще более радикальное, чтобы дефицитная валюта не попадала в руки теневиков задешево и не продавалась на черном рынке по баснословной цене?

г. Москва.

ПАМЯТИ ДРУГА

Ушел из жизни бывший спецкор «Крокодила» Марк Григорьев. Трагически погиб во время пожара в гостинице «Ленинград».

Буквально за день до страшной своей смерти он заскочил в редакцию, как всегда, подтянутый, доброжелательный, ироничный, и что-то пробасил о командировке в Ленинград на несколько дней. В чем-то надо было разобраться, кому-то требовалась помощь, кто-то нуждался в защите. Он уехал, как будто вышел покурить, легко закинув на плечо сумку с нехитрым корреспондентским командировочным скарбом: диктофон, блокнот, зубная щетка. Ушел, поглядывая на часы, чтобы впритык успеть к отходящему поезду...

Эта командировка оказалась последней, и люди со всех концов страны, узнав по ТВ и радио о его гибели, обрывали редакционные телефоны, чтобы узнать, тот ли это Марк Григорьев, который в свое время помогал им выбраться из беды.

В памяти московской журналистской братии он, трех месяцев не дотянувший до пятидесяти, так и останется Мариком. Для тех, кто работал с ним в «Московском комсомольце», «Сельской молодежи», «Юности», «Крестьянке». Три года проработал он в «Крокодиле», и за это время на страницах журнала появились его фельетоны из Баку и Хабаровска, Ижевска и Петрозаводска, Владивостока и Тюмени. Фельетоны, порождавшие горячую благодарность одних и яростную ненависть других.

Марика любили и ненавидели. Но тех, кто любил, было гораздо, гораздо больше. Он обладал удивительным журналистским даром: искренне заболевать проблемами тех, о ком писал. Ему в полной мере было присуще редчайшее по нынешним временам качество — талант дружить с людьми. Никто из тех, кого ему приходилось защищать в своих публикациях, не оказался случайным человеком в его жизни, все становились друзьями надолго.

Марк Григорьев был удивительно добрым и светлым человеком.

Прощай, Марик! Как жаль, что ты не опоздал на тот поезд в Ленинград.

КРОКОДИЛЬЦЫ.

М. ВАЙСБОРД

Л. ФИЛИППОВА

Е. ВАСИЛЬЕВ

В. ЛУГОВКИН

С. СПАССКИЙ, Ю СТЕПАНОВ (тема)

ТУРАНДОТ

— Принц, ну что вы топчетесь там в коридоре! Говорите скорей, как дела с ответами на каверзности из № 3? Господи, так и хочется воскликнуть вслед за Анной Андреевной Сквозник-Дмухановской: «До тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!»

— Помилуйте, ваше высочество, еле дотащил рюкзак с читательскими письмами. Вот сейчас рассортирую их по порядку и все вам доложу. Хотя и рискую вызвать ваше неудовольствие.

— Ну, не томите, Калаф. Референт моей рубрики обязан говорить только правду, какой бы горькой она ни была. Что, вообще нет правильных ответов?

— Как вы могли подумать, очаровательная Турандот! Огорчили меня лишь потенциальные трехбалльники. Претендентов на отгадку каверзности I степени тьма, а год, в который происходят события бессмертного «Ревизора», не смог точно вычислить никто. Хотя есть старательные попытки, а не просто гадание на кофейной гуще. Вот, например, москвичка **Л. В. Маркина** сообщает: «Пьеса написана Гоголем в 1835 году. Во втором действии Хлестаков насвистывает мелодию из «Роберта Дьявола». Эта опера была поставлена в Петербурге в 1834 году. Кроме того, в сцене вранья Хлестаков ссылается на «Московский телеграф» — журнал, который был закрыт в 1835 году. (Здесь, принцесса, я вынужден прервать нашу корреспондентку. Если мне не изменяет память, «Телеграф» прикрыли в 34-м.) Так что, думаю, действие в «Ревизоре» происходит в 1834—1835 годах». А вот цитата из комедии, на которой строят свою хронологию столичный экономист **А. В. Коротеева**, новосибирский инженер **Л. Матвеев**, алмаатинец **Х. Орбаев** и еще многие читатели: **«Аммос Федорович.** С восемьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени... За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени...» Вот и получается, по мнению большинства: 1816 + 3 × 3 = 1825. Эти цифры взяты из третьего явления IV действия. В третьем же явлении, но 1-го действия Аммос Федорович признается: «Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле...» А посему теперь придется посчитать мне как референту: 1816 + 15 = 1831. Вот он, математически точный трехбалльный ответ!

— Нет, это не Калаф, это Лобачевский!

— Помилуйте, принцесса, если я Лобачевский, то Хлестаков — Бомарше, Мейербер, Беллини и Загоскин в одном лице! «Это он,— продолжает уже цитированная ранее **Л. В. Маркина**,— в знаменитой сцене вранья заявил, что написал «Женитьбу Фигаро», «Роберта Дьявола», «Норму» и «Юрия Милославского», да еще добавил «Фрегат Надежды» (повесть декабриста Бестужева, чей псевдоним — Марлинский). Кроме того, он утверждал, что барон Брамбеус — его псевдоним (хотя на самом деле — журналиста Сенковского)».

— Вот это настоящий шестибалльный ответ! Браво! А есть ли у нас девятибалльники, разобравшиеся, почему в каверзности III степени городничего называют не Антоном Антоновичем, а Антоном Семеновичем?

— Разумеется. И немало. 38 читателей, заслуженно присудивших себе по девять баллов. Приведу письмо **Анны Романенко** из поселка Борок Ярославской области: «Эта путаница — из «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко. Когда беспризорники ставили в своем театре «Ревизора», сам Макаренко играл в спектакле роль Антона Антоновича. А так как директора звали Антоном Семеновичем, колонисты, видимо, от волнения величали и городничего Семеновичем».

— Спасибо всем эрудитам, спасибо всем приверженцам моей рубрики! А теперь новые

ЗАГАДКИ

Каверзность I степени

«Отец успокоил ее:

— Ну, какая ты мещанка!.. Теперь их нет, они умерли давно. Тебе до мещанки еще долго жить и учиться нужно: те хорошие женщины были».

Оказывается, мещан не всегда презирали. Даже в суровые тридцатые. Кто это подтвердил?

(3 балла).

А. АНИСЕНКО, г. Кузнецк Пензенской области.

Каверзность II степени

Вроде бы образованный человек, классик XIX века, а женил одного из героев «Мертвых душ» на вдове Коробочке. Фамилию новоиспеченного супруга не припомните?

(6 баллов).

В. ГРИЩЕНКО, г. Гомель.

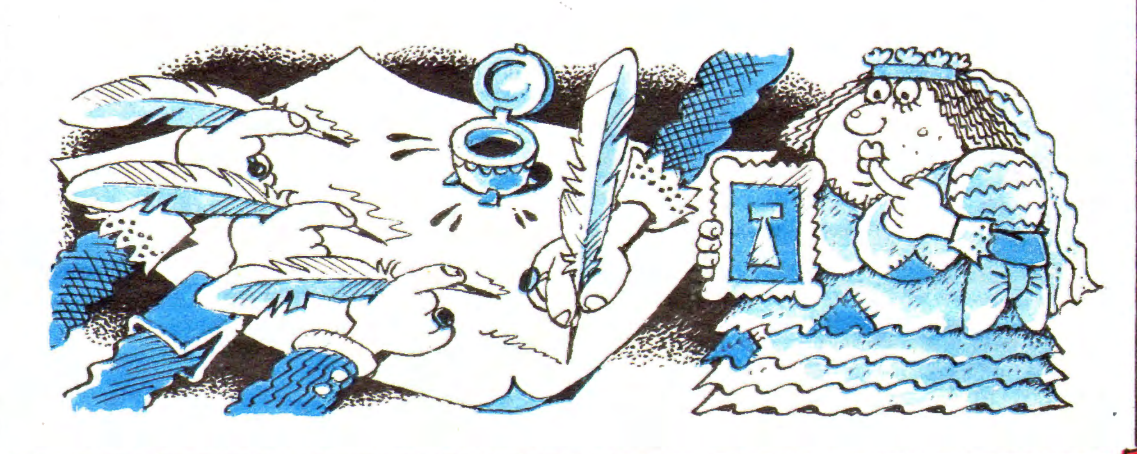
Каверзность III степени

«Зачем, забывши славу,
Пускаешься в Варшаву?
Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?
Но ты все так же мил...
Все мил — и неизменно
В душе твоей живет
Все то, что в цвете лет
Столь было нам бесценно...»

Не шедевр, конечно... А между тем к стихам приложили руку четверо тех, чьи шедевры известны всему миру. В чем же дело?

(9 баллов).

А. БЕЙЛИН, г. Москва.

Николай ЕЛИН

К 70-летию со дня рождения

КАК Я ПОМОГ МАРИЭТТЕ ШАГИНЯН ОСТАТЬСЯ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Из веселых мемуаров

Он в жизни добр,
с друзьями — лирик,
Но в нашем жанре не турист:
Писатель-иронист, сатирик.
Вдобавок — карикатурист.
Мы юбиляра поздравляем
И, поздравляя, говорим:
«Пока свободою горим,
Живем, работаем, творим —
Чего и Елину желаем!»

Александр ИВАНОВ.

Вот уже полтора десятка лет, как я полностью перешел на творческую работу: пишу сатирические повести, короткие рассказы и рисую карикатуры с вовсе уж минимальным текстом. А прежде был служивым человеком, и сложилось так, что в течение 20 лет каждый рабочий день в Литфонде СССР виделся с писателями, в меру сил пытался решать их проблемы. Проблемы возникают и у начинающих, и у маститых, поэтому один перечень имен тех, с кем мне довелось общаться, вызовет зависть у ценителей литературы. Жанр мемуаров типа «Я и советские писатели» или «Рядом с инженерами человеческих душ» всегда вызывал у меня некоторое внутреннее отторжение, не говоря уже о страхе перед столь монументальной работой. Посему — ограничусь пересказом одного случая той поры.

...Однажды я пил чай с Аркадием Райкиным. То есть он предложил мне чашку чая из вежливости, а я сразу согласился, потому что кто бы отказался? Заехал я к Райкину буквально на несколько минут, чтобы оговорить его участие в сборнике «Олимпиада улыбается», который я тогда составлял в преддверии Олимпийских игр-80 (сборник получил затем диплом на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу года). Я пригласил в сборник целое созвездие писателей, художников и — актеров. Первый звонок, конечно же, был Аркадию Райкину, перед которым я искренне преклонялся. Встретил он меня, надо сказать, без особого энтузиазма, все мои вопросы были быстро решены, но за той самой, из вежливости, чашкой чая Райкин вдруг попросил помочь ему с путевкой в Дом творчества Литфонда в Переделкине, где он иногда бывал и раньше.

Просьбу выполнили, однако через несколько дней от Райкина позвонили с просьбой продлить его пребывание в Доме творчества. Дело было в сезон, но удалось и это. Когда же потребовалось продлить срок еще на две недели, возникли проблемы... И вот тут начинается уже настоящая литературная драма. В моем кабинете раздается звонок Мариэтты Сергеевны Шагинян, с которой я был в самых добрых отношениях и книги которой с авторскими автографами последовательно собирал. Но тут я неожиданно услышал гневный голос: «Немедленно решите вопрос о Райкине! Кто у вас там в Переделкине живет, если великому актеру не нашлось места?» Я начал объяснять: мол, разгар сезона, и писатели, при всем уважении к Райкину, имеют законное право провести хотя бы один путевочный срок в своем доме... Безуспешно. Через несколько дней получаю, мягко говоря, сердитое письмо, в котором Шагинян обвиняла Литфонд во всех смертных грехах и в заключение писала: если Райкину не продлят путевку, она в знак протеста выходит из членов Союза писателей СССР... Кто бы не отступил перед таким ультиматумом?

Уже позднее я узнал, что почитаемая всеми Мариэтта Сергеевна была страстной поклонницей Райкина, и не было у него премьеры, чтобы Шагинян не аплодировала из первого ряда партера...

Я до сих пор вспоминаю, что пил чай с Аркадием Райкиным, и, конечно же, горжусь, что не дал Мариэтте Шагинян выполнить свое обещание и покинуть Союз писателей, членом которого она была со дня основания...

— Нет, нет, нет,
Мы хотим сегодня.
Нет, нет, нет,
Мы хотим сейчас!

Рисунок юбиляра.

С впечатлений Дж. Гудмена (в № 8 за этот год) мы начали печатать отклики американских юмористов, побывавших в Советском Союзе.

Сегодня мы публикуем мнение о поездке остальных членов делегации и надеемся, что обмен материалами, как и обмен самими юмористами, продолжится и в будущем.

Арт ГЛАЙНЕР

КГБ

Известный американский сатирик делится секретами мастерства

Готовясь к международной встрече весельчаков, я постарался кое-что узнать о русском языке. Подготовка не прошла даром, и несколько раз я смог вызвать смех, вворачивая к месту нужное русское словцо. Мне повезло — у себя в стране я познакомился с Инной, иммигранткой из Баку, и она научила меня произношению нескольких нужных русских слов. Кроме того, она снабдила меня кое-какой информацией об особенностях советской жизни, и я понял, над чем следует шутить. Я героически напряг свою тронутую склерозом память и за короткое время перед поездкой выучил русскую азбуку не хуже московского первоклассника.

Я раскрою вам секреты моих домашних заготовок. Следуя моему примеру, вы тоже сможете творить юмор, даже в атмосфере иной культуры. И это вполне осуществимо, потому что «взрывной механизм» смеха состоит из трех деталей: неожиданность, игра слов и преувеличение.

Вы можете удивить слушателя, уведя его мысль в одном направлении, а затем неожиданно сменив курс. Один из вариантов — привнесение в общеизвестное нового смысла. Возьмем, к примеру, КГБ — я думаю, что вам не следует объяснять, что это такое. Итак, я выдумываю фирму под названием КГБ, но моя фирма должна отличаться чем-то смешным от Комитета государственной безопасности. Я начал с того, что пролистал русско-английский словарь на буквы К, Г и Б и выписал несколько слов, из которых, на мой взгляд, можно выжать нечто комическое (эта операция требует определенного воображения и хотя бы капельки юмора). Далее, глядя на три колонки слов, я нащупываю различные комбинации, покуда не нахожу подходящую, которая удивит людей и будет достаточно забавной, чтобы вызвать смех.

После этого решаю, в каком смысловом контексте подать мою вымышленную фирму. Тут-то и заключается принципиальная разница между юмористом и комиком. Юморист информирует в развлекательной форме, комик только развлекает. Определив смысловой контекст, я придумываю подводку, т. е. слова, которые ведут к шутке. Начинаю я примерно так:

— Наукой доказано, что люди работают продуктивнее, когда наслаждаются своим трудом. Поэтому веселье в рабочее время полезно не только начальству, но и подчиненным. С этой целью я предлагаю служащим разных контор и чиновникам госучреждений носить в рабочее время вот такую униформу.

С этими словами я достаю из портфеля привезенную из США майку с короткими рукавами и с буквами КГБ на груди. По оплошности я пришил букву Г задом наперед, но эта явная ошибка вызывает улыбки и смех, так что она мне тоже выгодна. Я продолжаю:

— Вы, конечно, заметили, что «Г» пришито не совсем правильно. Я сделал это сознательно, чтобы другая организация с теми же буквами не приняла меня за родного. (Смех неизбежен.) Мои же буквы означают: «Контора Глупых Бюрократов». Я не сомневаюсь, что в вашей фирме эта майка многим будет к лицу, а?

Тут уже смех гарантирован.

Вообще есть множество способов поднять себе настроение и рассмешить окружающих — причем чем глупее шутка, тем смешнее. Рассказывайте анекдоты, забавные случаи из жизни. Для пущего эффекта говорите измененным голосом, со странным акцентом. Напяльте какую-нибудь дурацкую шляпчонку или нацепите фальшивый нос. А то возьмите и повесьте на шею вместо галстука нечто несусветное — воблу, например. Вот так — сделайте дырочку в хвосте, проденьте шнурок и нацепите. Что смеетесь? Да-да, я знаю, что вобла у вас — это дефицитная закуска для дефицитного пива. Тем более нужно носить воблу ближе к сердцу, пока не удастся купить пиво на рубли. Конечно, в Штаты я эту рыбу не увезу, я подарю ее одному из моих московских друзей, и он съест ее от вашего имени. А пиво за ваше здоровье я выпью в Штатах.

Видите, сколько серьезных тем я попутно затронул — бюрократия, дефицит. Такая смесь смешного с серьезным может быть использована при высказывании любой мысли (хотя я дважды подумал бы прежде, чем воспользоваться этим приемом при составлении некролога). Доказывайте ваши идеи то всерьез, то с улыбкой, потом снова всерьез — это сделает вашу мысль более доходчивой, убедительной и запоминающейся.

Вот еще несколько приемов, которыми я вызывал смех во время моих поездок. Вы тоже так можете, если дадите себе установку на юмор.

Надежный способ вызвать улыбку — «подверстать глупость в серьезный ряд». Вы делаете два-три серьезных заявления, но завершаете серию неуместной, нелогичной, абсурдной идеей. Например, я говорю:

— Не подумайте, что меня волнуют только проблемы юмора. Нет, я мучительно размышляю и над глобальными проблемами — будет ли найдено средство от СПИДа, научатся ли люди прогнозировать землетрясение, войдут ли в моду зеленые кальсоны.

Но, конечно, желательно, чтобы финальная неожиданность была на злобу дня. Например:

— Я заметил, что в России самые популярные имена — Иван, Петр, Николай и Тельман Хоренович.

Рассказывая о своих впечатлениях, нещадно преувеличивайте для смеха. Допустим, так:

— Я только что вернулся из Тбилиси и заметил, что красный свет для тамошних водителей означает: «Притормози, дорогой, хотя бы до шестидесяти километров в час. Если хочешь, конечно».

Еще один способ развеселить иностранную аудиторию — делать сознательные ошибки, например, выйдя на сцену, мило улыбнуться, приветственно помахать рукой и сказать: «До свиданья, с Новым годом». Особенно вдохновляюще звучит новогоднее пожелание в июньской Москве.

Мы, профессиональные юмористы, проповедуем такой принцип: «Кто с людьми смеется, тот с ними уживется». Я славно посмеялся вместе с вами, и это вселяет в меня большие надежды на добрые отношения между двумя нашими странами. Мечтаю однажды вернуться в СССР и открыть здесь ВШЮ (Высшую школу юмора) имени Артюши Глайнера. Члены КГБ будут зачислены в ВШЮ без приемных экзаменов.

Перевел М. ВИЛЕНСКИЙ.

Харви МИНДЕСС

ТОСТ ВО ИМЯ ЮМОРА

Проведя некоторое время в Москве, Калинине и в Тбилиси, услышав пару дюжин русских и грузинских анекдотов, увидев, как над ними смеются советские люди, поговорив о юморе с карикатуристами и журналистами, я пришел к выводу, что советский юмор столь же всеобъемлющ и задорен, как и американский.

Советских людей смешат те же приемы, что и нас, американцев: нелепые сочетания и игра слов, подтрунивание и принижение, сексуальный подтекст, туалетный юмор, больничный, этнический, социальный юмор, политическая сатира и философские наблюдения из жизни. Советскому юмору, как и американскому, присуще здоровое чувство национального достоинства. Например, сидит грузин, отдыхает под деревом. Подходит иностранный турист и говорит: «Я дам тебе сто долларов, если ты сорвешь орех на самой высокой ветке». Грузин отвечает: «Не хочу». Иностранец говорит: «Я дам тебе тысячу долларов!» Грузин не соглашается. Тогда иностранец кричит: «Миллион долларов!» Грузин все равно отказывается. Тут вмешивается переводчик: «Опомнись! Если у тебя будет миллион долларов, ты сможешь хоть всю жизнь просидеть под деревом и ничего не делать!» А грузин отвечает: «Зачем беспокоиться, я и так сижу под деревом и ничего не делаю».

Советские люди так же, как и мы, любят посмеяться над собой, высмеивают своих политических лидеров, рассказывают анекдоты про американцев, как мы — про русских. Но главная тема их юмора — все-таки условия жизни, в которых они живут. Один из первых анекдотов, услышанных мной в Москве, был следующий: «В чем преимущество однопартийной системы перед многопартийной? Достаточно взглянуть, сколько всего натворила только одна партия».

Мне рассказывали, что в Советском Союзе очень популярны анекдоты про евреев и что сами же евреи их сочиняют. Например, звонок по телефону: «Здесь живет Рабинович?» «Нет»,— отвечают в трубку. «А вы кто?» — спрашивает позвонивший. «Рабинович»,— отвечают ему. «Так почему же вы отрицаете, что здесь живете?» «И это вы называете жизнью?»

Советский и американский юмор очень похожи. Юмор в СССР так же разнообразен, богат и остроумен, как в США.

Старый художник рисует юную, красивую натурщицу. «Почему бы нам не передохнуть,— говорит он.— Сядем рядом, попьем чайку». Только они уселись, как в двери повернулся ключ. «Быстро раздевайся,— зашептал художник.— Моя жена вернулась».

Сравнивая эти и многие другие анекдоты, я понял, что американцы и советские люди гораздо меньше отличаются друг от друга, чем их политические системы. Советские люди больше похожи на нас, чем, скажем, японцы или немцы.

Тут я хотел бы сравнить два политических анекдота: один я услышал в Советском Союзе, другой — в США. В первом Брежнев (или любой другой советский лидер) просыпается на рассвете и говорит, подойдя к окну: «Славное солнце, приказываю тебе озарить советскую землю». Днем он снова подходит к окну и говорит: «Славное солнце, приказываю тебе продолжать освещение нашей прекрасной страны». Вечером он опять обращается к солнцу: «Теперь, славное солнце, ты можешь отдохнуть. Иди спать». Тут солнце не выдержало и сказало: «А ты иди к черту! Ишь раскомандовался. Я уже на Западе».

В другом анекдоте человек заходит в бар в незнакомом городке, выпивает несколько бокалов виски и, желая пообщаться, заявляет сидящим рядом: «По моему мнению, президенту Рейгану (или любому другому американскому президенту) — самое место в кобыльей заднице!» «Эй, мистер, полегче,— сразу обрывают его.— За такие слова тут получают по морде». «О, извините, я не знал, что здесь так уважают мистера Рейгана». А ему в ответ: «Здесь уважают лошадей».

Смех повсюду — и оружие, и щит, и опора простых людей. Для всех нас, не имеющих ни власти, ни богатства, смех столь же важен для выживания, как мужество, любовь и вера.

Юмор поднимает настроение, обнажает скрытую правду, низводит с пьедесталов, помогает нам в самые мрачные минуты и украшает нашу обыденную жизнь. И пусть в своей восторженности я рискую показаться похожим на русского или грузина, произносящего длинный тост, все-таки я предлагаю поднять бокалы за надежду, что американцы и советские люди и дальше будут получать удовольствие от юмора друг друга. Этим мы поможем друг другу преодолевать наши общие трудности.

На здоровье!

Перевел В. СИМОНОВ.

Памятник еще одному тосту.

Памятник культуре (физической).

Рисунки Дж. МИТЧЕЛА

Анатоль ГЕРМАНСКИ (Румыния)

ГАРМОНИЯ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ

— Отпусти девушку, мерзавец,— громогласно потребовал красавец атлетического сложения, сопровождая свои слова ударом в челюсть третьему бандиту. Двое других уже валялись на земле, корчась от боли. Одной рукой он поднял с травы прекрасную героиню и понес ее в объятиях, как невесту на свадебном шествии, с той лишь разницей, что вместо ковра из цветов он ступал по телам поверженных негодяев.

Не отрывая взгляда от экрана телевизора, Эльвира спросила мужа: «Послушай, Григорий, а ты смог бы поступить так же?»

Она живо представила себе Григория, уважаемого доктора этимологических наук, библиотечного червя, уже в летах, близорукого и худосочного, наносящим удары по свирепым челюстям трех бандитов с экрана своими маленькими, обтянутыми прозрачной, пергаментной кожей кулачками, и это показалось ей чрезвычайно комичным. Она захохотала.

Григорий глянул на подрагивающие от смеха бигуди своей располневшей, не первой и даже не второй молодости супруги, и простая мысль, что кому-либо взбредет в голову покуситься на нее, из-за чего ему пришлось бы встать на ее защиту, вызвала у него такие же безудержные приступы смеха.

Они долго смеялись, что говорило об их прекрасном расположении духа, о вызывающей зависть гармонии в супружеской жизни.

Перевел С. БЕДНОВ

СЛОВА? СЛОВА!

Не жаль, что миновала эпоха королей, жаль, что миновала эпоха мудрых шутов.

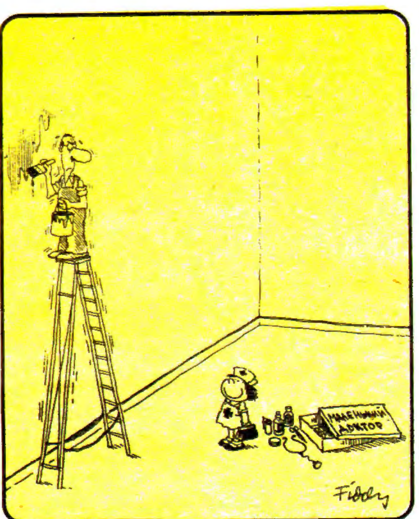
Одна сплетня — это сплетня, две сплетни — уже легенда.

Афоризм — это три капли: капля горечи, капля улыбки и капля надежды.

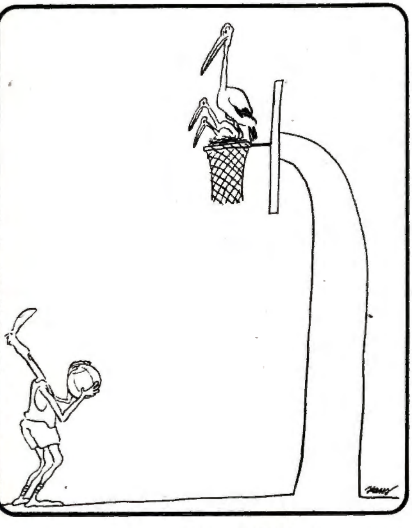
Если бы глупость не была так назойлива, никто бы не знал, что такое мудрость.

Одиночество — непомерно высокая цена, которую мы платим за то, чтобы избежать общества.

Собрала и перевела Катарина МУРАДЯН.

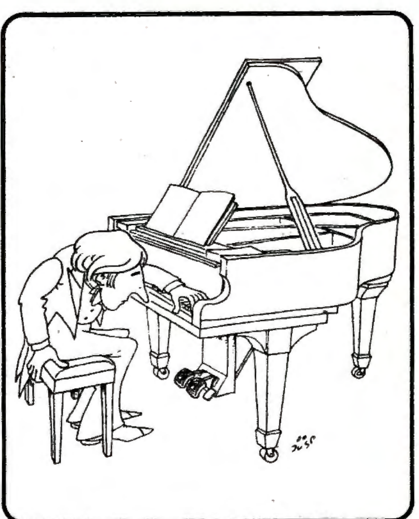

ФИДДИ, Англия

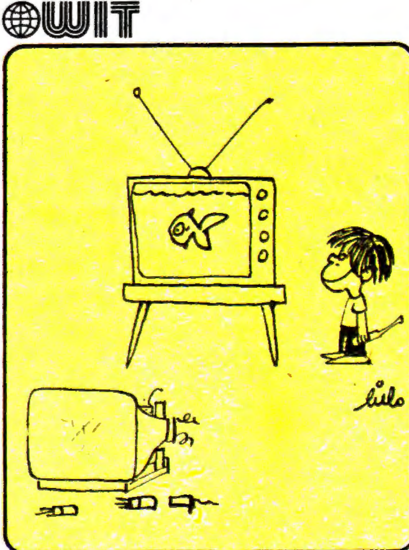

ХАРА МИЖА, Германия

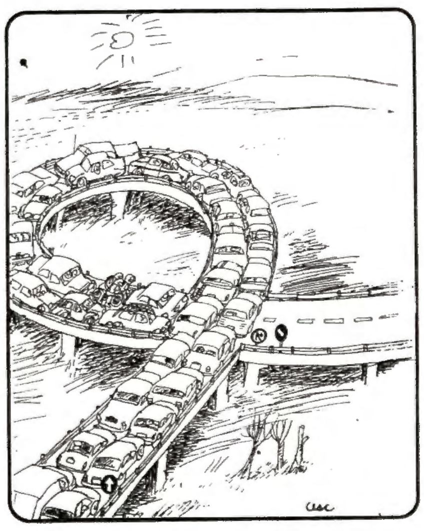
WIT

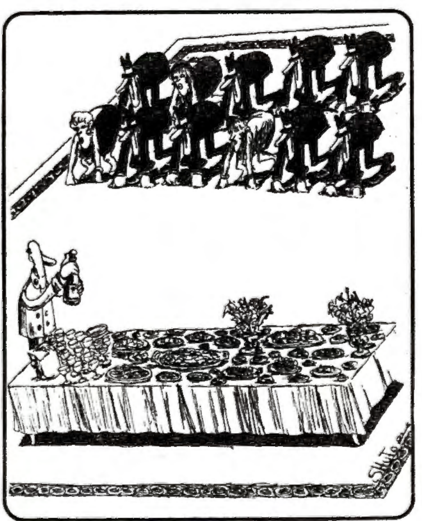
ЖЮСИ, Швейцария

ЛИЛЛО, Куба

ЧЕСК, Испания

СХУТО, Италия

ФЛИСАК, Польша

●

Она. Когда ты почувствовал, что любишь меня?

Он. Когда я начал сердиться на людей, которые говорили, что ты глупая и непривлекательная.

●

Целый час капитан вел занятия на тему «Долг солдата». Затем решил проверить результаты:

— Рядовой Мерфи, почему американский солдат должен быть готовым умереть за свою страну?

Солдат почесал затылок, потер переносицу, насупил брови и ответил:

— Так точно, мой капитан, вы правы! Почему он должен умирать за свою страну?

●

В ресторане:

— Что ты здесь делаешь?

— Отмечаю серебряную свадьбу!

— А где же твоя жена?

— Моя теперешняя жена не имеет к этому никакого отношения: она у меня третья.

●

Провинциальная дама приехала в фешенебельную гостиницу.

— Как вы смеете! — заявила она портье.— Думаете, если я не столичная штучка, то мне можно предлагать такую маленькую и тесную комнату?!

— Успокойтесь, мадам! — ответил портье.— Это всего лишь лифт.

●

— Сколько стоит этот попугай?

— Спросите у него сами — он отказался от импрессарио.

●

— Какая наглость! Ваша собака съела нашу курицу!

— Спасибо за предупреждение. Значит, ее сегодня можно больше не кормить.

●

Жена рассеянному мужу:

— Ты с ума сошел? Ты же пытаешься сигаретой отпереть дверь!

— Неужели! Значит, я выкурил ключ.

●

У официанта спросили, какая у него мечта.

— Я мечтаю, чтобы посетители ресторана обедали дома, а чаевые присылали мне по почте.

●

— Объясни мне, дедушка, почему у тебя голова — седая, а борода — черная.

— Потому что волосы на голове на двадцать лет старше бороды, внучек.

●

Она. Джек, мне очень жаль, всю неделю я себя вела как последняя дура.

Он. Все в порядке. Я сэкономил двести долларов, пока мы были в ссоре.

●

Он. Я пытаюсь стать великим художником.

Она. Каким образом?

Он. Живу в студии и отпускаю бакенбарды.

●

Офицер упал за борт, и рядовой матрос спас его. Офицер спросил матроса, как он может его отблагодарить.

— Лучше всего,— подумав, сказал тот,— если вы никому об этом не скажете. Если сослуживцы узнают, что я вас спас, они утопят меня самого.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Арнольд ШВАРЦЕНЕГГЕР

Он кулаком врагов приводит в чувство,
Для драки шанс используя любой.
Но это, тем не менее, искусство!
(Не то что наш экранный мордобой!)

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

Шарж К. КОЖУХОВА, Карагандинская обл.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Эталон бочковой набивки. 6. Углеводород не для девичьих ворот. 9. Предтеча шахмат. 10. Самый сильный зверь (поэтич.). 12. Действо у фонтана. 14. Понюшка молодого солдата. 15. Условие рождения истины. 18. Спутник каскадерства. 20. Самый свободный процесс (физ.) 21. Напиток для перебивания (бедняцк.). 24. Апартаменты п. 15 по вертикали. 25. Объект обведения вокруг. 26. Сочная заготовка (животноводческ.). 29. Недобытый объект дележки. 31. Человек, который переоценивает вещи (уголовн.). 32. Чертова накачка (погов.). 33. Гриб-коллективист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Потертая скрипучка (киношн.). 2. Награда за смелость (песенн.). 3. Звезданутый конь. 4. Пастбищный круиз. 7. Домашний сбербанк. 8. Один из пары. 11. Дымная фигура. 13. Фигарольная профессия. 15. Любитель поспать (зоологич.). 16. Придорожный «тюфяк». 17. Мышиная возня. 19. Пожарная заливная (просторечн.). 22. Не по Сеньке. 23. Новая по-новому. 27. Третья специальность мастера на все руки. 28. Направление в места не столь отдаленные. 29. Пробочная фигура в пилотировании. 30. Гласность против Стеньки Разина (песенн.).

Составил В. ЧЕКУБАШ,
г. Карши Узбекской ССР.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Тустеп. 3. Тархун. 5. Крот. 7. Сапоги. 8. «Дева». 9. Кол. 10. Скарабей. 13. Мыс. 14. Рязань. 16. Баркас. 19. Каракатица. 20. Мазила. 22. Армада. 26. Акын. 27. Сервис. 28. Икар. 29. Турок. 31. Колье. 33. Улитка. 34. Анекдот. 35. Терраса.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Терек. 2. Песок. 3. Трике. 4. Навес. 6. Талия. 8. Дамка. 11. Альпака. 12. Бабетта. 14. Рудимент. 15. Заказ. 17. Кража. 18. Согласие. 21. Лоскут. 23. Раскат. 24. Скала. 25. Ванна. 30. Род. 32. Лир.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ОСТРОГ ИЛИ МЕДАЛЬ?

Князь Д. В. Голицын, будучи в начале XIX в. попечителем Московской практической академии, однажды принял богатого саратовского купца, пожелавшего выделить большой капитал за пожизненное право назначать за свой счет двух стипендиатов академии. Князь согласился и просил купца явиться на следующий день для внесения следуемой суммы. Но правитель княжеской канцелярии Степанов посоветовал князю использовать эти деньги для улучшения Московского водопровода. Купец робко заявил, что жителям Саратова до московской воды нет никакого дела. В конце концов через пару дней после безрезультатных переговоров купцу объявили существующий закон: «Буде кто не исполнит решение полиции после троекратного о том объявления, того сажают в острог». Испуганный купец тут же отдает деньги на водопровод и получает за это медаль.

И ШЛЯПКА НИ К ЧЕМУ

Есть в Нижнем Новгороде речка Почайна. Давным-давно зародилась легенда о том, что при «конце света» Почайна превратится в могучий поток и зальет весь город (а он стоит на горе высотой более 100 метров!).

Удивительно, но даже в конце XIX века находились люди, искренне верившие этому. Нижегородский краевед А. С. Гациский рассказывал в своем путеводителе (1877 г.), как во время очередного наплыва таких слухов «в среде базарной публики» в один из модных магазинов пришла прелестная горожаночка и попросила не делать заказанной накануне шляпки, поскольку, мол, «все равно придется скоро рассчитываться с грехами вольными и невольными, так зачем уж шляпка понадобится!..».

РАЗОЧАРОВАНИЕ КОРОЛЕВЫ

Знаменитую «Алису в Стране Чудес», как известно, сочинил между делом преподаватель Оксфордского университета Льюис Кэрролл.

Прочитав эту сказку, английская королева Виктория пришла в восторг и приказала купить для нее все остальные сочинения Кэрролла. Каково же было удивление королевы, когда оказалось, что это труды по высшей математике.

Близнецов («ССС») баловали
А. БЕЙЛИН (Москва),
Ю. ЗОЛОТОВ (Москва)
и О. ГЛОВА (Краснодар).

НОВЕЙШИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

ЭМИССИЯ

СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

РЭКЕТ

СПОНСОР

КЛИРИНГ (система безналичных расчетов)

С. РЕПЬЕВ, Ю. СТЕПАНОВ (тема)

75 коп. Индекс 70448.